

МИРИАМ ГЕОРГ

Буря на Эльбе

18+

Семейные истории. Мириам Георг

Мириам Георг
Буря на Эльбе

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(4Гем)-44

Георг М.

Буря на Эльбе / М. Георг — «Издательство АСТ»,
2023 — (Семейные истории. Мириам Георг)

ISBN 978-5-17-151397-9

Лили Карстен три года живет в Ливерпуле с нелюбимым мужем. Каждый день она тоскует по Йо Болтену – мужчине, которого любит. Три года Йо Болтен пытается справиться со своим горем. Он хочет отомстить Людвигу Олькерту, самому влиятельному коммерсанту в Гамбурге, за то, что по вине последнего он потерял Лили. Он возьмет у Олькерта то, что тот любит больше всего на свете, – деньги. Наконец Лили возвращается в Гамбург. В судовой компании Карстенов назревает очередной кризис, а брак все больше похож на тюрьму. Смогут ли Карстены пережить очередную бурю? И что случится, когда Йо увидит свою дочь? Вторая книга дилогии Мириам Георг.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-151397-9

© Георг М., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мириам Георг Буря на Эльбе

© 2021 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Усманова Е., перевод, 2023

© Зубарева А. перевод 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Посвящается моей матери

Где лежит свобода, как не в страданиях?
Гюстав Флобер

Об авторе

Мириам Георг, родившаяся в 1987 году, – внештатный корректор и редактор. Получила степень в области европейской литературы и степень магистра американско-индейской литературы. Когда Мириам не путешествует, то живет в Берлине вместе со своей глухой собачкой Розали и коллекцией книг.

Пролог

Мальчик смотрел на месяц. Он был маленьким и бледным – тонким серебристым росчерком над раскачивающимися верхушками деревьев. Зато ночь сегодня была темнее обычного. Углы небосвода – чернее, треск в балках – более угрожающим. Куда больше мальчику нравилась полная луна, свет которой проникал в его комнату. Тогда он изображал руками тени на стене, как научила сестра.

Мальчик показывал собаку, змею, порой мышь. Кроме того, когда луна на небе становилась большой и круглой, у нее появлялось лицо. Доброе, светлое лицо, которое словно подмигивало. Мальчик называл это лицо своим другом.

– Здравствуй, друг, – тихо говорил он, забравшись на подоконник, и махал луне своей маленькой ручкой. И луна, висевшая над крышей конюшни, подмигивала ему в ответ.

Мальчик не так давно узнал, что такое «друг». Ему поведали об этом другие дети. Они сказали мальчику, что у него нет друзей и, следовательно, ему здесь не место. Мальчик понял не все, но одно ему было ясно: он «неправильный». Дети постарше называли его чудовищем. Он – чудовище, поэтому живет не с родителями. Родители больше не хотят знать мальчика, ведь выглядит он уродливо и тело его устроено не так, как у обычного ребенка.

Опасливо оглянувшись, мальчик осмотрел общую спальню. Нужно вести себя как можно тише. Нельзя, чтобы его застали здесь, у окна. Иначе придет ночная сестра с палкой для битья. Мальчик снова посмотрел серебристую дольку в ночном небе. Звезды мерцали, как светлячки дома в саду. Мальчик знал, что где-то там, наверху, живет Песочный человек. По вечерам он спускается на землю – прыснуть детям в глаза сладким молоком, чтобы им всю ночь снились чудесные сны. Мальчику редко снились сны, но когда снились, то в них он видел дом. Отца, который играл с ним в оловянных солдатиков, маму и сестру, которые частенько читали ему сказку о Песочном человеке. Мальчик знал, что родные не считают его чудовищем, и не понимал, почему не может вернуться домой. После таких снов он просыпался в слезах. Мальчик до того тосковал по дому, что от рыданий у него перехватывало дыхание. Он плакал, звал маму, лупил руками и ногами во все стороны и кричал, что хочет домой. Тогда его запирали в подвале.

В подвале царила кромешная тьма и холод. В темноте мальчику виделись лица и очертания странных фигур, слышались пугающие звуки – рычание и шорохи, заставлявшие замереть от страха.

В подвале обитали ведьмы и кобольды. Когда мальчика бросали в подвал и запирали за ним дверь, он торопился забиться в угол, прижимался к стене и затыкал уши пальцами, чтобы не слышать и не видеть тех, кто подстерегает во тьме.

Мальчик до смерти боялся подвала. Поэтому и повадился ночами залезать на подоконник. «Не хочу видеть сны!» – сказал он ночному небу, надеясь, что Песочный человек услышит. Сегодня луна стала такой тонкой, что ее едва можно было разглядеть. «Интересно, куда она уходит?» – подумал мальчик, подперев руками подбородок. Когда луна уменьшалась, мальчик боялся, что однажды она исчезнет навсегда.

Прошлой ночью мальчик снова видел сон. Его не стали бросать в подвал, но в наказание на целый день лишили еды. «Видимо, Песочный человек не так меня понял, – подумал мальчик и торопливо огляделся по сторонам. – Наверное, следует поговорить с ним еще разок?»

В общей спальне стояла тишина. Один из детей что-то пробормотал во сне, другой – повернулся на бок, уронив подушку на пол. Выждав несколько мгновений, мальчик распахнул окно. Ночь оказалась холоднее, чем он думал, и по его маленькому телу пробежала дрожь. Однако прикосновения влажного воздуха к лицу казалось приятным. Пахло дождем и, может быть, чуточку снегом. Снизу, из конюшни, донеслось фырканье лошади.

Мальчик осторожно пододвинул к окну табурет, взобрался на него и сел на подоконник, свесив вниз одну ногу. С открытым окном мир казался намного яснее. Мальчик слышал шум ветра в деревьях, чувствовал под пальцами влажную древесину. Он несмело свесил вниз вторую ногу и оказался в ночи. Это было восхитительное чувство. Казалось, звезды светят для него одного.

Внезапно позади раздался голос:

– Михель, что ты там делаешь?

Испуганно обернувшись, мальчик потерял равновесие. Пальцы соскользнули с оконной рамы. Он беспомощно взмахнул руками, но было слишком поздно. Мальчик не смог удержать равновесия. Закричать – и то не смог.

Тихо и безмолвно, как тень, Михель упал в темную ночь. Над конюшней светили звезды. Серебристая долька луны скрылась за облаком.

Часть 1

Ливерпуль, 1890 год

Глава 1

Лили фон Каппельн откинула вуаль на поля своей шляпки и посмотрела вслед кораблю, который медленно отплывал от порта, вспенивая водную гладь. Бело-голубой флаг судоходной компании «Карстен» развевался на ветру. У перил ближе к носу судна стояла молодая женщина в зеленом платье. Другие пассажиры махали и кричали, глядя на оставшихся позади людей, но эта женщина с решительным выражением лица смотрела на темные воды, словно во всем мире существовали только она и непоколебимый океан.

Лили зачарованно наблюдала за женщиной в зеленом платье, не в силах оторвать от нее глаз. «Это я должна стоять на ее месте», – подумала она, чувствуя знакомую боль, которую в последнее время стало сложнее облекать в слова. Боль изменилась, лишилась острых краев, стала не такой жгучей, как поначалу, но от ее глубины по-прежнему перехватывало дыхание.

У нее, этой боли, были разные лица. В основном – светленькое личико брата Михеля. Иногда матери, Зильты, с теплыми и встревоженными глазами. Порой Лили внезапно чувствовала запах старых книг и видела перед собой отца. Но голос у боли всегда был один – мужчины, который затмил собой все. Которого она не могла забыть, как бы ни старалась.

Вокруг царила оживленная суeta. На причале работали огромные паровые насосные станции: закручивали канаты, двигали трап. Люди кричали, звали друг друга, плакали, махали на прощание... Лили не махала. На этом корабле не было ни единой знакомой ей души – как и на всех других, покинувших ливерпульскую гавань за последние три года. Несмотря на это, Лили почти каждую неделю приходила в порт и провожала взглядом корабли.

Это был первый корабль судоходной компании «Карстен», спущенный на воду после того, как Лили сбежала в Англию. Он пройдет по новому морскому пути в Калькутту. Семья очень этим гордилась.

Лили подумала об Индии и вдруг словно наяву услышала голос брата: «Там настолько жарко, что трудно ясно мыслить. Мангровые заросли кишмя кишат тиграми, леопардами и ядовитыми змеями. Сверкающие дворцы соседствуют с такими убогими глиняными хижинами, которые только можно себе представить, слоны работают на полях, обезьяны выполняют роль прислуги. В Индии есть болезни, заставляющие человека гнить заживо, и есть сокровища столь драгоценные, что мы и представить не можем». Франц всегда с энтузиазмом и с благоговением рассказывал о чужом континенте, где располагалась столица британской колонии, которая должна была стать пунктом назначения нового морского пути. Когда-то Лили с жадностью слушала эти истории, а потом они с Михелем вечерами сидели у камина, рассматривая рисунки тигров и слонов и пытались перерисовать этих странных животных, которые казались им сказочными существами. В прошлом Лили втайне мечтала, что однажды сядет на корабль и отправится в путешествие по дальним странам, где, подобно героям из книг, встретит множество приключений.

Однако чужие земли Лили больше не интересовали. Теперь она хотела только одного: вернуться в Гамбург.

О том, что сегодня состоится спуск корабля на воду, отец сообщил Лили в письме.

«А мне какое до этого дело?» – озадаченно нахмурилась она, читая. В последние годы их разговоры с Альфредом Карстеном ограничивались лишь самым необходимым.

А вот Зильта писала почти каждый день – ждала, пока письма накопятся, а потом отправляла сразу целую пачку, которую Лили всегда с нетерпением ждала. Письма пахли маминым розовым кремом, и, сорвав с них ленту, Лили прижимала бумагу к носу, вдыхая знакомый аромат. В такие мгновения она представляла, что снова оказалась в маминых объятиях. От отца за все время Лили получила всего одно письмо, сразу по приезду. В нем отец сообщал, что Михель, ее младший брат, на самом деле жив. Что семья инсценировала его смерть, чтобы Лили села на корабль, отправляющийся в Англию. Своего незаконнорожденного ребенка она должна была родить подальше от Гамбурга, там, где ее никто не знает. Где она не запятнает семейную честь.

Все были посвящены в этот план, даже мама. Родные обманули Лили, чтобы сломить ее волю. Лили до сих пор помнила, какие чувства испытала, читая то письмо. Кожу словно закололо тысячей крошечных иголок, она едва могла дышать, потрясение оказалось почти таким же сильным, как известие о смерти Михеля. Лили почувствовала, что ее предали близкие люди. Это было самое страшное предательство в ее жизни.

Однако после того, как первая боль немного поутихла, а ужас – поулегся, Лили охватила радость от осознания того, что Михель жив. Порой Лили казалось, что только благодаря этому ей удалось пережить первое ужасное время в Ливерпуле. Мысль о невинном личике брата, его мягких рыжих волосах, его детском запахе дала Лили силы вытерпеть свадьбу с Генри, смириться с одиночеством.

Вскоре мать умоляла ее о прощении: «Только так ты однажды сможешь вернуться к нам и снова начать нормальную жизнь. Я пойму, если ты не сможешь меня простить, но я бы поступила так снова. Ради тебя я бы сделала все что угодно, Лили. Как и ради любого из моих детей. Быть может, однажды, когда ты сама станешь матерью, ты поймешь: порой приходится совершать ужасные поступки, чтобы уберечь своего ребенка от еще более ужасной участи. Даже если это разобьет ему сердце».

В глубине души Лили и правда все понимала. Ее родители не были злодеями – отчаяние и безысходность толкнули их на этот поступок. То, что для них существует только своя, единственная правильная точка зрения, изменить невозможно. Со временем, по мере того как живот Лили округлялся, ее мироощущение менялось. Она поняла, что если не простит родителей, то это будет вечная рана на ее сердце, но вот забыть – она никогда не забудет.

Отец, однако, так и не извинился и даже не объяснился. Он часто добавлял несколько строк в конце маминого письма, но всегда держался холодно и отстраненно. По большей части отец писал о компании, домашних делах или ежемесячном пособии, которое ей высылал. Лили так и не осмелилась сделать первый шаг к примирению, и чем больше проходило времени, тем более невозможным это казалось.

Но теперь ее голубые глаза были прикованы к надписи на носовой части судна.

– «Корделия», – шепотом прочитала она.

Почему отец выбрал это имя? Альфред Карстен всегда называл свои корабли в честь шекспировских героинь. Но Корделия, любимая дочь, которая была отвергнута? Хочет ли отец сказать, что разочаровался в Лили настолько, что не мог не изгнать ее? Или что, подобно королю Лиру, скучает по своей отвергнутой дочери и понимает, что обидел ее? Альфред Карстен не случайно выбрал именно это произведение. Лили была уверена, что в названии корабля скрыто послание. Вот только какое?

На ум пришли слова Корделии: «Не первых нас, добра желавших, злой постиг приказ».

Понимает ли отец, что Лили никогда не хотела причинить ему боль? Не хотела его предавать? Что все трагические события, ход которых она запустила, произошли из-за любви и стремления к свободе?

Лили судорожно вцепилась в ткань юбки, но уже через секунду заставила себя разжать пальцы. Вокруг чайки пели свою вечную жалобную песню. Взгляд Лили был устремлен в море,

но смотрела она не на паруса корабля, а на раскинувшийся за ними горизонт, на бескрайние воды, которые здесь, в Англии, и зимой, и летом выглядели серыми. Ей показалось, что вдали она увидела очертания города: шпили пяти гамбургских церквей, выступающая из тумана ратуша. Но Лили понимала, что это всего лишь мираж, призрак прошлого, который вот-вот растворится в дыму.

Зазвучал туманный горн, и этот низкий, жалобный звук вызвал у Лили дрожь. «Однажды, – подумала она, – однажды я тоже окажусь там, на палубе. И поеду обратно домой».

Внезапно Лили почувствовала, как дочь потянула ее за платье и схватила за руку своей маленькой ладошкой. Она быстро взяла девочку на руки и поцеловала в щеку.

– Ты просто ледяная!

Как и всегда, Ханна молча стояла рядом с матерью и смотрела по сторонам широко раскрытыми глазами, словно видя впервые. Лили сняла перчатки и потерла лицо девочки. Недавно Ханна съела пирожное, и теперь ее румяные щечки были покрыты маслянистыми крошками. В отличие от своей матери Ханна не могла наглядеться на корабли и при виде них забывала обо всем вокруг. Ее дедушка наверняка был бы в восторге. К сожалению, они с Ханной никогда не встречались.

– На тебе столько крошек, что и мне хватит, чтобы наесться! – Лили рассмеялась и вытерла с подбородка дочери джем. Ханна хихикнула, пытаясь увернуться.

Две элегантные дамы в платьях с рюшами и в толстых меховых шапках, стоявшие неподалеку и махавшие кому-то на прощание, поморщились, бросая на них негодующие взгляды. Было не принято, чтобы женщины из высшего сословия, к которому принадлежала Лили, ласкали своих детей прилюдно. Ходить без корсета тоже было не принято.

Лили было все равно. Она чмокнула Ханну в нос и опустила на ноги. Разгладила платье, нарочито медленно провела руками по талии, которая виднелась под меховой накидкой и явно была не такой тонкой, как талии присутствующих дам. Потом в упор посмотрела на незнакомок так долго, пока те, смутившись, не отвели взгляды в сторону. Уголки губ Лили торжествующе дернулись.

– Пойдем-ка поскорее домой, а не то простудишься.

– Давай посмотрим на еще один корабль! – Ханна протянула руки к воде, словно пытаясь схватить «Корделию», которая тем временем превратилась в пятнышко на горизонте.

– Мы вернемся на следующей неделе, – заверила Лили.

– Вместе с папой? – спросила Ханна.

Лили почувствовала, как улыбка исчезла с ее лица. Она опустила вуаль пониже, пряча налившийся кровью синяк под левым глазом.

– Нет, – жестко ответила она. – Без папы.

* * *

– Ты знаешь, кто в Гамбурге поддерживает социал-демократов?

– Нет, – вздохнул Чарли и посмотрел на Йо. – Но у меня такое чувство, что сейчас ты мне об этом расскажешь.

Чарли сделал большой глоток пива, словно пытаясь спрятаться за своим стаканом. Фите рассмеялся и ободряюще похлопал Чарли по спине. Они сидели в подвале своего любимого паба и уже пили по четвертой кружке. Как и каждый вечер, окна подвала были наглухо завешены мешками, так, чтобы внутрь не проникал даже свет уличных фонарей. Под потолком клубился дым, было многолюдно и шумно, свечи на стенах уже наполовину догорели. Трое мужчин уединились в темном углу рядом с пианино. На столе валялись липкие игральные карты, но к ним уже давно никто не прикасался. Как и всегда после нескольких кружек пива, Йо начал говорить о политике. И как обычно Чарли попытался уйти от темы.

Но Йо уже вошел во вкус.

– Мужчины от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Такие, как я. Не последние бедняки. Понимаешь? Не работяги из доков и не старьевщики. Не те, кому действительно нужна помощь! В районах, где живут люди посостоятельнее, поддержка социал-демократов гораздо выше!

– Откуда ты вообще это знаешь? – проворчал Чарли.

Фите одобрительно закивал:

– Вот-вот!

– Поверьте, так и есть! Было проведено исследование. И вообще, звучит логично, ведь район, в котором живешь, – это твоя социальная среда. Люди, с которыми ежедневно общаешься, – друзья, соседи, все они влияют на то, что ты думаешь. А оппозиция завоевывает все больше умов, особенно в наших традиционных цитаделях, таких, как Санкт-Паули и Оттенсен.

– Ну, у людей наверняка есть свои причины не поддерживать социал-демократов, – угрюмо сказал Чарли.

– Чепуха! Ты не хуже меня знаешь, что большинство просто ничего не знают. А те, кто больше всего заинтересован в изменениях, вообще не допускаются к голосованию. Что насчет их причин? – пророкотал Йо.

Чарли приподнял брови.

– Не поднимай шума, сынок.

– Мы слишком долго не поднимали шума! В этом-то и проблема! Все рабочие этого города бессильны, ведь лишь один из одиннадцати мужчин имеет право голоса. Это чертово право можно купить, но кто, скажите на милость, будет платить за него половину месячного заработка, когда большинству даже нечего есть? – Чарли устало кивнул. – Первого мая мы устроим забастовку! – пылко продолжал Йо. – Все пройдет замечательно, это я вам обещаю!

– Вы же не натворите дел, как американские забастовщики, и обойдетесь без метания бомб? – наклонив голову, спросил Фите. Он говорил о бунте на Хеймаркет, который произошел четыре года назад и положил начало международному рабочему движению. Тогда в Чикаго началась многодневная забастовка, организованная профсоюзами, чтобы добиться сокращения рабочего дня с двенадцати до восьми часов. В забастовке участвовали сотни тысяч рабочих по всей стране.

– Не «вы», а «мы»! – горячо воскликнул Йо, уставившись на друга. – И конечно же мы обойдемся без бомб! Но уже понятно, почему в американской забастовке участвовало столько людей.

– Да? И почему же? – вяло спросил Чарли, допивая пиво. Было очевидно, что эта тема его ни капельки не интересовала. Фите, напротив, подался вперед и кивком попросил Йо продолжить рассказ.

Йо был только рад.

– Незадолго до случившегося рабочие на одном из заводов организовали профсоюз и объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Они получали три доллара в день, работая по двенадцать часов. Говорят, этих денег хватало аккурат на скудный обед в каком-нибудь трактире. – Йо сердито покачал головой. – Администрация решила уволить всех бастующих и взять на их место иммигрантов, которые уже выстроились в очередь. Но «Чикагская рабочая газета» призывала к солидарности с забастовщиками – мол, если администрация не наберет новых работников, то завод встанет. – Йо торжествующе хлопнул по столу. – И – о чудо! Пришло всего около трехсот человек, и это на тысячу рабочих мест. Этот успех воодушевил жителей Чикаго. Понимаете? Мы должны поступить так же!

– Откуда ты все это знаешь? – фыркнул Фите.

– Читаю, – коротко ответил Йо и залпом допил свой шнапс, чувствуя, как после этих слов его пронзила тупая боль. «А ведь прошло уже почти три года», – мрачно подумал он и

стиснул зубы так сильно, что свело скулы. Должна же эта боль однажды прекратиться! Но она возвращалась снова и снова, чаще всего внезапно. Йо удавалось на несколько дней выкинуть воспоминания из головы – вернее, утопить в выпивке, – но потом они всплывали в голове с прежней силой.

Книги и газеты всегда будут напоминать ему о Лили. Без нее он, возможно, никогда не научился бы правильно читать, и глаза его никогда бы не открылись.

Лили... Это имя отдавалось в сердце отголосками боли. Йо поднял руку, делая Патти знак принести ему еще рюмашку.

– Полегче! – сказал Чарли и накрыл руку Йо своей, заставляя опустить, но тогда Йо просто поднял другую руку и мило сказал:

– Не лезь не в свое дело.

Чарли вздохнул и сдался. Йо прекрасно знал, что давно уже не может совладать с тягой к выпивке. Он пытался взять себя в руки, но сдавался, стоило подумать о Лили, и начинал пить. К сожалению, последние три года он думал о Лили постоянно.

О ней. И о ребенке. У него есть ребенок... А он даже не знает, сын или дочь. И жив ли малыш вообще...

– Интересно, что придумает Министерство внутренних дел. Они не позволят нам так просто устроить забастовку, – сказал Йо просто для того, чтобы нарушить молчание.

– Даже они не настолько глупы, – хмыкнул Чарли.

– Знаете, как все случилось в Америке? – спросил Йо.

Чарли уставился на напиток в своем стакане и ничего не ответил, а Фите внимательно посмотрел на Йо и с любопытством поинтересовался:

– Как? Я знаю только о бомбе.

– Забастовка длилась несколько дней. Вмешалась полиция, несколько рабочих оказались ранены, несколько – убиты. Застрелены. Но забастовка не прекратилась. Люди были сыты по горло, понимаете? Жестокость полиции только еще больше раззадорила их. Однако несмотря на все происходящее, забастовщики не переходили к насилию, пока на четвертый день ситуация не обострилась. Пока не взорвалась бомба. Какой-то неизвестный просто бросил ее в самую гущу толпы. Семеро полицейских погибли, а остальные схватились за оружие и устроили беспорядочную стрельбу. – Йо почувствовал, как нарастающая волна ярости и негодования медленно заглушила его боль. Именно поэтому в последние годы он все силы бросил на борьбу за права рабочих. Она поддерживала в нем жизнь, эта ярость.

– Многие из организаторов забастовки были арестованы. Не нашлось никаких доказательств, что кто-либо из них имел отношение к убийству полицейских на Хеймаркет. Ни одного. Однако судья усмотрел в их речах призывы к подстрекательству. Четверо повешены. Просто за участие в забастовке. Вы можете это представить?! Просто потому, что они хотели жить лучше. Один из задержанных взорвал себя в камере. Говорят, он сунул в рот револьверный патрон, закурил и остался без головы. – Йо многозначительно замолчал и отхлебнул пивную пену из кружки, которую поставила перед ним Патти.

Фите тихонько присвистнул сквозь зубы.

– Думаешь, здесь может закончиться так же?

Йо заметил в глазах друга проблеск беспокойства. Фите был лудильщиком – иначе говоря, входил в число беднейших гамбургских рабочих. «Сходня», как их называли, находились в самом низу портовой иерархии.

– А если и здесь кто-нибудь наделает делов? А нам за все отвечать!

Не успел Йо ответить, как Чарли пророкотал:

– Подстрекательские призывы в речах... Очень напоминает рассуждения Бисмарка, которыми он обосновал свой закон против социалистов.

Йо удивленно повернулся к Чарли. Обычно тот держался подальше от всего, что касалось политики. Чарли было все равно, что происходит там, наверху. Что бы ни случилось, в какие бы условия его ни ставили, он молча выполнял свою работу. Чарли всегда был таким. По крайней мере, все то время, что они были знакомы. Йо знал, что раньше, когда Чарли еще жил в Ирландии, он был другим человеком. Однако Чарли неоднократно повторял, что того человека больше не существует. Он умер вместе с женщиной, которую любил. И всей своей семьей.

«Когда теряешь все, теряешь и себя», – подумал Йо, глядя на своего лучшего друга, великана с добрым сердцем. Чарли, который сидел, уставившись в пивную кружку, казался опасным: множество колец в ушах, взлохмаченная рыжая борода, татуировки на руках, свирепый взгляд... Однако Йо знал, что во всем мире не сыскать человека более верного и преданного. Если Чарли проникся к тебе симпатией, то, считай, он станет твоим другом на всю жизнь. Таким другом, который все ради тебя сделает. В последние годы Чарли частенько его разочаровывал: он пристрастился к опиуму и не мог побороть зависимость, постоянно попадал в передраги и терял работу, на которую Йо с таким трудом его устраивал. Но разве Йо имел право его судить? Кто знает, что было бы с Йо, если бы ему не приходилось заботиться о маме, братьях, Альме и ее детях? У Чарли не осталось никого и ничего. Родины – и той лишился. Йо не мог винить Чарли в том, что он не разделял его рвения к борьбе за права рабочих.

Йо кивнул.

– Ты прав, там была такая же риторика. – Он вздохнул. – Один из повешенных, Август Спиз, выступал с речами на забастовках в Чикаго. «Вечно жить как скот нельзя!» Эта его фраза стала своего рода лозунгом рабочих. Редко кто говорил слова вернее, черт побери!

– Согласен! – сухо рассмеялся Фите. Он выпрямился и поморщился от боли. Работа сгубила его здоровье: разрушила не только спину, но и легкие. Фите день и ночь кашлял, выплевывая черную мокроту, у него начались проблемы с почками, он не мог ходить прямо. Он продолжал говорить, но перешел на кессельклопперспрок, – своего рода тайный язык, на котором общались котельщики.

– Говори так, чтобы было понятно, – проворчал Чарли, и Фите одарил его слабой улыбкой.

– Я сказал, что у нас здесь ничем не лучше, – повторил он. – Мы тоже живем как скот. Господи, скоту, по крайней мере, дают приличный корм!

– Сосиску из тебя не сделаешь, поэтому кому какое дело, если схуднешь, – рассмеялся Чарли.

Что-то пробормотав, Фите закашлялся, и Йо с тревогой посмотрел на друга. Фите был маленьким и кособоким, на его дружелюбном лице застыло удрученное выражение, и он выглядел так, словно малейшее дуновение ветерка может сбить его с ног. Впрочем, на самом деле Фите был довольно крепким – это одна из причин, по которой ему удалось так долго проработать котельщиком. Обычно эту неблагодарную работу выполняли те, у кого просто не было выбора. Из-за своей шуплой комплекции Фите мало где мог работать. Однако котельщиком он оказался превосходным – маленьким и проворным, что необходимо для этой работы.

Когда пароход прибывает в порт, котлам требуется около трех дней, чтобы остыть. Однако у судовладельцев на счету каждая секунда, поэтому они заставляют котельщиков лезть внутрь, пока котлы еще дымятся от жара. Сначала приходится протиснуться через так называемые «лазы» шириной всего около сорока сантиметров, потом сбивать твердый слой нагара с пола и стен. Там, внутри, обычно невыносимо жарко, тесно, душно и адски шумно. Вот почему во время разговора Фите частенько наклонялся вперед. Он уже плохо слышал.

– На сходящих работает более тысячи человек, – сказал Йо. – По моим подсчетам, около четырехсот котельщиков. Неужто у вас нет никаких прав? – спросил он. Фите задумчиво кивнул, но убежденным не выглядел. – В прошлом году взорвались шестнадцать котлов, погибли

двадцать восемь твоих товарищей! И ты мог оказаться в их числе! – Йо повысил голос, заметив, что его слова задела Фите за живое.

– Но что мы можем сделать? Решающее слово принадлежит судовладельцам, – неуверенно отозвался Фите.

– Именно это нам и нужно изменить! – пылко вскричал Йо и ударил кулаком по столу. Зрение немного расплывалось, и он видел Чарли и Фите не так четко, как час назад. Йо любил такое состояние. Он оставался достаточно трезв, чтобы ясно мыслить, но был уже достаточно пьян, чтобы не чувствовать себя таким несчастным, таким одиноким, таким отчаявшимся. После выпивки жизнь становится легче. Конечно, утром он еще пожалеет, когда снова проснется в заднем помещении, свернувшись калачиком на полу среди других людей, которые останавливаются здесь за гроши. Но сейчас ему все равно. Он залпом допил пиво.

Вошла маленькая девочка, одетая в пестрое платье. Она босиком забралась на один из столов и чистым звонким голосом запела какую-то песню, держа перед собой раскрашенное ведро, куда слушатели могли кинуть монетки. Йо грустно посмотрел на девочку. Что бы сказала Лили, если бы сейчас увидела? О, Йо знал ответ на этот вопрос. Лили бы с негодованием вскочила, сняла малышку со стола, вытащила ее из этой вонючей дыры и первым делом купила ей поесть. В этом вся Лили. Безнадежная идеалистка.

Трое друзей молча слушали песню, погружившись каждый в свои мысли. Йо заметил, что глаза Чарли опасно блеснули. Чарли любил музыку, его большое ирландское сердце смягчалось, стоило кому-нибудь запеть. Сам он непревзойденно играл на скрипке, но к своей любимой губной гармошке не прикасался с тех пор, как бежал из Ирландии.

– Позор-то какой, – пробормотал Чарли себе в бороду, и Йо не мог не согласиться.

Он знал, что малышка ходит по тонкому льду – и не только потому, что в таких местах полно пьяных мужчин. Кроме них вокруг слоняется много сомнительных личностей, из-за которых по ночам опасно ходить по улицам. В Гамбурге процветала торговля женщинами. «Ведущий торговый город и главный порт Центральной Европы», – так недавно называли Гамбург в газете. Отсюда женщин продают в бордели Южной Америки или Азии. Обычно похитители заманивают в свои сети незамужних женщин из Польши или Румынии, но когда понимают, что девушку никто не будет искать...

После того, как девочка закончила петь, кто-то снял ее со стола, и она обошла помещение, протягивая ведро, соблазнительно улыбаясь и показывая гнилые зубы. Когда девочка приблизилась, Йо увидел, что она ужасно худенькая. И учуял исходящий от нее запах алкоголя. Девочке не было и десяти. И она выглядела мертвецки пьяной.

«Наверное, только выпивка помогает ей примириться с действительностью», – подумал Йо и полез в карман, нащупывая деньги. Он прекрасно ее понимал. Прежде чем опустить монеты в ведро, Йо на мгновение задержал руку девочки в своей.

– Здесь все деньги, которые у меня есть. Я дам их тебе, если пообещаешь, что купишь на них еды, – сказал он.

Девочка ошеломленно уставилась на горсть монет, зажатую у Йо в руке, потом горячо закивала. Йо вздохнул. Что тут поделаешь? Не может же он забрать малышку к себе домой...

– И кто теперь будет платить за следующий круг? – проворчал Чарли, но теперь и сам принялся рыться в карманах.

– Ты, конечно, кто же еще... – начал было Йо, но осекся. Его дыхание участилось. В пивную вошла женщина с платком на голове, и на секунду Йо подумал, что это она – Лили.

Это было похоже на удар в поддых. В полумраке происходящее почти в точности воспроизводило сцену из прошлого. Йо вспомнил, как Лили спустилась в подвал, чтобы найти его. Она была в дорогом платье, с собранными волосами и невинным лицом. Ее красивое лицо... В ту ночь они впервые поцеловались. Йо устоял на женщину на лестнице, как на призрак. Но потом она сняла платок, и чары рассеялись.

– Грета! – вздохнул он.

Женщина оглядела толпу. Заметив Йо, она улыбнулась и подошла к нему. Йо поднял руку и заказал еще по стаканчику для всех за столом.

Час спустя Чарли вышел в темный переулок, остановился и отрыгнул. Ему нужно было глотнуть свежего воздуха. До чего тошно наблюдать за тем, как Грета обхаживает Йо и, воспользовавшись его нетрезвостью, пытается заманить в свои сети. Не прошло и двух недель после отъезда Лили, как Грета уже прибежала его утешать. С тех пор она уговаривает Йо вступить с ней в связь. Пожалуй, если Йо продолжит столько пить, то скоро ей это удастся. Господи боже, возможно, не самая плохая идея. Другу нужно отвлечься. Ему нужен кто-то, о ком он мог бы позаботиться. Но Чарли никогда не нравилась Грета. К тому же она была замужем, Господи прости, пусть даже она не желала этого признавать. Всякий раз, когда муж-моряк выходил в море, Грета впивалась в Йо острыми коготками и отказывалась его отпускать.

Слегка покачнувшись, Чарли схватился за фонарный столб. Над крышами сияла зимняя луна, маленькая и красная. Дым из труб беззвучно поднимался в ночном небе, стоял мороз, и на улицах почти никого не было. Что ж, по крайней мере, холодный ночной воздух скрывал зловоние гниющих каналов и помог Чарли прочистить голову.

Он беспокоился о своем друге, который так и не оправился от потери. Однако в последнее время к выпивке добавилась почти болезненная одержимость политикой. Йо читал каждую листовку, которая попадалась ему в руки, ходил на собрания, каждый вечер произносил пламенные речи в разных кабаках. Прогрессивные молодые работяги возлагали большие надежды на то, что теперь, после отставки Бисмарка, что-нибудь изменится. Хотели добиться отмены закона против социалистов. Смыслом жизни Йо стало изменить систему, помочь простым людям. Чарли фыркнул. Бездарный идеалист, вот он кто, этот Йо. Как будто можно что-то изменить! Жизнь несправедлива, одним людям везет, другим – нет. Вот и все. Можно подумать, стоит нескольким рабочим выйти на улицы, как богатеи, эти мешки с деньгами, поспешат раскошелиться.

Чарли запрокинул голову и посмотрел в небо. Интересно, те ли же звезды светят сейчас над его родной деревушкой? Чарли на мгновение зажмурился, пытаясь справиться с волной жгучей боли. Несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Когда он снова открыл глаза, взгляд его был тверд. Он не будет о ней думать!

Пытаясь отвлечься, Чарли отодвинул один из мешков, висевших перед окнами, и сквозь дым в помещении разглядел сидящих в углу Фите, Грету и Йо. В мерцающем свете свечей черты лица Греты сделались резче, чем днем, глаза – темнее, жесты – выразительнее. Йо был в стельку пьян, это было ясно по тому, как он беспорядочно шарил руками по столу, не мог удержать взгляд в одной точке и держал спину особенно прямой. Они с Гретой снова спорили. Скорее всего, придется тащить его домой на своем горбу... Чарли невольно улыбнулся. В последнее время они поменялись ролями: раньше Йо всегда заботился о нем. Но слабость Чарли отличалась от пристрастия к выпивке. Ее было легче скрыть.

Чарли невольно вспомнил о том, как познакомился с Йо. Они жили в одном доме: Йо – вместе с семьей, а Чарли снимал угол у одной вдовы. Однажды ночью его разбудил леденящий душу крик.

Супружеская пара этажом ниже снова повздорила, однако на сей раз шум стоял такой, словно муж пытался освежевать свою благоверную. Чарли сердито вскочил с кровати и подошел к двери в соседскую квартиру – одновременно с Йо. Не сговариваясь, лишенные драгоценного сна работяги в молчаливом взаимопонимании преподали соседу урок. И не зря. После этого в той квартире больше никто не шумел, а благодарная соседка следующие несколько недель угощала их пирогами. Они с Йо давно уже не живут под одной крышей, однако с тех пор стали друзьями. Лучшими друзьями.

Внезапно кто-то дернул Чарли за рукав. Обернувшись, он увидел старика с изможденным лицом. От холода его нос покраснел, и сопли стекали ему в рот. Старик протянул Чарли картину и сказал, с надеждой глядя на него:

– Я могу нарисовать вашу возлюбленную. Расскажите, как она выглядит, и я нарисую. Если останетесь недовольны, можете не платить!

Чарли вздрогнул, а потом покачал головой.

– У меня нет возлюбленной, – резко ответил он и заколебался. Старик был одет в тоненькую куртку и дрожал от холода. – Попробуй счастья где-нибудь в другом месте, отец. Никто здесь не захочет тратить деньги на подобное, – дружелюбно проворчал он, похлопал старика по плечу и вернулся в кабак.

Оказавшись в подвале, где его встретила привычная смесь дыма, пота и пивного перегара, он остановился и нервно пригладил бороду. На короткое мгновение его охватило искушение... А вдруг этот старик и правда сможет ее нарисовать? Вдруг после стольких лет Чарли сможет увидеть ее снова? У него не осталось ни одной ее фотографии... От этой мысли Чарли бросило в пот, и он всем своим существом пожелал выбежать на улицу и остановить старика. Но что потом? На что он надеется? Ведь это невозможно! Как он должен ее описать? Как описать ее настороженные, задумчивые глаза, или улыбку со слегка поджатыми губами, от которой около правого уголка рта появлялась ямочка... Как описать тонкий нос, который выглядел поразному в зависимости от того, с какой стороны на него посмотреть...

Порой Чарли начинал сомневаться в том, что память его не подводит. Пытался представить ее лицо, и оно расплывалось перед глазами, растворяясь и складываясь заново. В такие моменты страх сжимал горло, и Чарли с поразительной ясностью осознавал: он никогда больше ее не увидит. Никогда. Ее лицо будет расплываться все больше и больше, пока однажды не исчезнет полностью.

«Нет», – подумал Чарли и покачал головой. Это невозможно. И, самое главное, опасно.

– Не стоит тревожить мертвых! – прошептал он и решительно направился обратно к столу. Но он почувствовал, как покалывают ладони.

* * *

– В нашей библиотеке есть «Король Лир»? – поинтересовалась Лили, опустив вилку.

Поданный на десерт ананасовый пирог с глазированной вишней был восхитительно вкусным, однако Лили прекрасно знала, сколько стоит этот экстравагантный ужин, приготовленный из привезенных из-за границы продуктов, и не могла им насладиться. Пожив в грязи и нищете, начинаешь смотреть на расточительство другими глазами. Но Генри настоял на том, чтобы на стол подавались только самые лучшие блюда. Платил ее отец, конечно. Как и за все в этом доме.

Генри поднял голову и посмотрел на Лили. Последнее время не часто случалось, чтобы она обращалась к нему, тем более нейтральным или даже примирительным тоном. У Генри на лице отразилось удивление, а взгляд на мгновение задержался на синяке у Лили под глазом.

– Конечно, – откашлявшись, ответил он. – Почему ты спрашиваешь?

Губы Лили дрогнули. Генри понятия не имел, какие книги есть в библиотеке. Он выкупил библиотеку у обанкротившегося акционера и с тех пор ни разу не заглядывал в нее. В приличном доме должна быть библиотека – это все, что его волновало. Поначалу Лили очень обрадовалась бесчисленному количеству книг, но вскоре обнаружила, что они совершенно не соответствуют ее вкусу: научно-популярные книги на латыни, исторические исследования о войне Алой и Белой розы... Кроме того, попытавшись снять с полки томик Диккенса, Лили с изумлением обнаружила, что многие книги в кожаных переплетах – целые ряды! – всего лишь муляж. Судя по всему, английские аристократы любят украшать себя интеллектуальным фаса-

дом, однако не готовы вкладывать в него большие деньги. «Красивая обманка», – подумала тогда Лили. Прямо как древняя Пруссия. И как многое другое в жизни Генри. Лили готова была побиться об заклад, что он никогда не читал Шекспира.

– Просто так. Мне нравятся произведения Томаса Харди, – ответила она.

Генри серьезно кивнул:

– Томас Харди – великий писатель.

Лили прикусила щеку, чтобы не рассмеяться.

– Какая из его книг твоя любимая? – спросила она, невинно вскинув глаза.

– Как тут выбрать? – Генри покачал головой.

Лили напустила на себя невозмутимый вид, пытаясь скрыть свое презрение. Почему Генри не может просто признать, что ничего не знает о Томасе Харди, а о Шекспире – и того меньше? И что он не смог бы прочесть книгу на английском языке.

Они с Генри каждую неделю брали уроки английского. Ко всему прочему, Лили начала читать английскую литературу и очень полюбила этот язык, когда поняла, что в Британии, в отличие от Германской империи, есть множество писательниц, социально-критические книги которых могут скрасить ее долгие туманные вечера. А вот Генри английский давался нелегко. Он научился сносно разговаривать, но его знаний было недостаточно, чтобы получить медицинскую степень – что стало одной из причин, почему в последнее время он был как никогда вспыльчив и нетерпелив.

– Я попрошу Мэри найти для тебя «Короля Лира».

Генри улыбнулся, и в глазах у него промелькнула надежда. Лили практически слышала его мысли: неужто в кои-то веки у них состоится непринужденная беседа за обеденным столом, как у мужа с женой? Без ссор и угнетающего молчания?

– Благодарю. Однако ей придется непросто, ведь эту пьесу написал Шекспир, – приторно-сладко ответила Лили. Потом отодвинула стул и добавила: – Я утомилась. Прошу меня извинить.

Генри уставился на Лили во все глаза. Лицо его отразило мимолетное удивление, а затем потемнело от гнева. Он сжал губы и судорожно скомкал салфетку.

Лили не боялась: на трезвую голову Генри никогда не поднимал на ее руку. Когда он не ответил, Лили встала и, нарочито медленно обойдя его, покинула обеденный зал.

«Ты – чудовище, – подумала Лили, выйдя за дверь и прислонившись к ней спиной. – Ты, Лили Карстен, – настоящее чудовище».

Она покачала головой, заметив, что все еще думает о себе как о Карстен. Она так и не смогла привыкнуть к тому, что стала госпожой фон Каппельн. Только то, что Ханна тоже носит эту фамилию, немного примирило Лили с навязанным ей браком.

Она проворно взбежала по обитой бархатом лестнице и толкнула дверь в детскую. Ханна по обыкновению спала на спине, вытянув руки и ноги. Несмотря на то что стояла прохладная английская зимняя ночь, скомканное одеяло валялось в изножье кровати. Лили тихо подошла к спящей дочери.

«Если бы твой отец мог тебя видеть... – Эта мысль приходила ей в голову по меньшей мере пять раз в день. Несмотря на то, что прошло более трех лет. – Он бы так тобой гордился».

Лили осторожно развязал узелок на ночном колпаке, который няня всегда слишком туго завязывала на подбородке Ханны.

– Ей будет трудно дышать, – каждый вечер возражала Лили, но Конни настаивала на том, чтобы колпак был затянут потуже.

– Если завязать слабо, то волосы выбьются из-под колпака и запутаются.

Это превратилось в своего рода игру: по ночам Лили прокрадывалась к дочери и развязывала ее колпак. Наутро волосы Ханны торчали во все стороны, но, по мнению Лили, маленькой девочке аккуратные волосы не нужны. Что ей нужно, так это хороший сон.

Отчасти причина такого бунта крылась в том, что у всех в доме было больше права голоса над Ханной, чем у собственной матери. Няня и гувернантка подчинялись указаниям Генри, поскольку это он их нанял. Лили с самого начала знала, что в браке у нее не будет никаких прав и тем более – права что-либо решать. Однако она только со временем поняла, что это означает для нее как для матери. Ханна – дитя, которое Лили носила во чреве девять месяцев, а потом родила, едва не лишившись жизни. Ханна – часть нее. Мысль о том, чтобы провести без дочери хотя бы день, была для Лили невыносимой.

Однако она не могла принимать никакие решения в отношении Ханны. Лили нельзя было кормить грудью, ей пришлось использовать молокоотсос, потому что молоко не переставало течь. Ханну кормили из бутылочки, причем делала это кормилица. Лили нельзя было решать, что девочке есть, когда ложиться спать и где находиться. Впрочем, Лили знала, что должна радоваться тому, что Ханна жива, что она здесь. Мало того, что Лили сама пыталась прервать беременность, так еще Генри наверняка собирался отнять у нее малышку после родов. Такой человек, как Генри, никогда бы не стал растить чужого ребенка, тем более – ребенка, прижитого женой от любовника. После родов, когда кормилица впервые привела Генри в комнату, Лили наклонилась и схватила его за руку. «Если забереешь у меня дочь, – прошептала она потрескавшимися от многочасового крика губами, – то я прыгну в реку в тот же день».

Должно быть, Генри по глазам жены понял, что она говорит всерьез. Он побледнел, и какое-то мгновение его лицо ничего не выражало. Затем он едва заметно кивнул. Встал, бросил взгляд на маленький сверток и, не сказав ни слова, вышел из комнаты. Лили без сил опустилась обратно на подушки. На этот раз она победила.

Однако Лили понимала, что не может каждый день использовать свою жизнь как рычаг давления. По большому счету, ее жизнь была довольно сносной. Генри тщательно расставлял свои приоритеты, поэтому во многом ей уступал, чтобы избежать лишнюю головную боль, однако во время коротких приступов садизма он снова и снова демонстрировал свою над ней власть. Словно хотел убедиться, что она не забыла, кто ее муж. Напомнить, кто принимает решения. Кто главнее.

Глава 2

Эмма Уилсон уперлась руками в бока и огляделась.

– Отлично! – объявила она. – Именно так я и представляла себе это место.

Она обращалась к элегантной пожилой даме, которая, судя по всему, не разделяла ее энтузиазма. Дама критическим взглядом осмотрела стены, покрытые свежей штукатуркой.

– Немного заляпанные, не находишь? – Она поджала губы и провела по стене тростью, соскребая краску. – Посмотри, уже осыпаются!

– Конечно, ведь никто не предполагал, что ты, Герда, начнешь их обдирать! – с улыбкой ответила Эмма.

Пожилая дама наклонила голову и тихо хмыкнула. Потом властным движением перекинула через плечо меховую накидку и прошествовала в соседнюю комнату. Ее расшитые бисером юбки волочились по полу, собирая опилки и пыль. Рабочие убралась за собой не очень тщательно.

Покачав головой, Эмма не смогла сдержать полувеселый-полураздраженный стон и потопилась за Гердой Линдманн.

– Представь, что здесь стоит мебель! – Она остановилась и обвела комнату рукой. – Здесь будет зал. В угол, рядом с печью, мы поставим несколько кресел и диванов, а за ними – красивый стол. По вечерам женщины смогут собираться вместе, вышивать, плести кружева, пить чай. До чего уютная картина... Я уже вижу, как все будет!

Герда внимательно слушала объяснения. Эмма расценила ее молчание как согласие и прошла в следующую комнату.

– Вот кухня. Как видишь, мы почти все оставили так, как было. – Она указала на печь. – Там выход во двор. Курятник уже отремонтирован.

Герда по-прежнему ничего не говорила. Решив воспользоваться этой редкой возможностью, Эмма быстро взбежала на второй этаж по находившейся рядом с кухонной печью узкой черной лестнице. Наверху она остановилась, пытаясь понять, следует ли за ней Герда. Потом довольно улыбнулась, услышав глухой звук трости по нижней ступеньке. Через некоторое время появилась запыхавшаяся Герда. Эмма наблюдала за ней, прислонившись к стене.

– Хочу посмотреть, как ты будешь прыгать по лестницам, когда станешь такой же старой, как я, – едва отдышавшись, сказала Герда и добродушно подтолкнула Эмму тростью. – Вперед, госпожа доктор, чего стоишь? Я не буду ждать тебя весь день! Покажи, на что ушли мои деньги, – сказала она в перерыве между вдохами-выдохами.

– Хорошо, – усмехнулась Эмма. – По обеим сторонам коридора расположены жилые комнаты, каждая из которых рассчитана на двух женщин и куда, если нужно, поместится детская кроватка или люлька. – Она распахнула одну из старых деревянных дверей. – Комнаты выглядят одинаково, поэтому можно не смотреть их все. Печка, туалетный столик. Выход в конце коридора и... – Эмма запнулась. Она уже успела уйти вперед, но Герда по-прежнему стояла в дверях маленькой комнаты. Когда она не ответила, Эмма вернулась обратно. – Герда?

Герда подняла голову, посмотрела на нее и тихо произнесла:

– Эта комната не больше шляпной картонки.

– Знаю, – кивнула Эмма. – Тем более, что женщинам придется жить по двое. Да, условия не идеальны, но так мы сможем принять больше людей. К тому же большинство из них привыкли жить в куда более плохих условиях. По крайней мере, здесь тепло и чисто.

Герда снова заглянула в крошечную темную комнатушку, открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом нахмурилась и закрыла.

Эмма поняла, что та потрясена. Сама она работала врачом не только в нищих районах Гамбурга, но и в трущобах Уайтчепела, где повидала немыслимые страдания и такую ужасную

нищету, какую только можно вообразить. Герда же знала их только по рассказам – до сих пор. Они с Зильтой Карстен выделили деньги, организовали сбор пожертвований, учредили комитет, нашли архитекторов и приняли участие в выборе дома, но по взгляду Герды было видно, что она только сейчас осознала происходящее в полной мере. Осознала, что такое настоящая бедность. Осознала, что есть женщины, у которых ничего не осталось. Даже крыши над головой.

Эмма осторожно взяла Герду за руку.

– Знаю, комнатки здесь маленькие и очень простые. Но это временное убежище. Женщины, оказавшиеся в беде, многого не ждут. Здесь они получают все самое главное: медицинскую помощь, еду, советы, общество. Здесь они встретят людей, которые позаботятся о них. В первую очередь – о детях...

Герда медленно кивнула, и Эмма поняла, что та взяла себя в руки.

– Неужели нельзя было поставить там хотя бы шкаф? – резко спросила она.

– К сожалению, нет, – сказала Эмма. – Для этого нам пришлось бы перестраивать весь этаж. – Она улыбнулась. – Пойдемте, я покажу вам смотровую и ткацкий станок.

Герда позволила увести себя прочь, однако ее разговорчивость сошла на нет. До конца тура она произнесла едва ли десяток слов, рассматривая все вокруг со странно мрачным выражением лица, которое Эмма не могла истолковать. Была ли она расстроена или встревожена? Или и то, и другое одновременно?

Когда Герда начала подниматься по крошечной лестнице, похожей на куриный насест, Эмма в ужасе схватила ее за руку, чтобы остановить.

– Нет! Наверху помещение для сотрудников. Тебе необязательно...

Герда оглянулась, и Эмма вздрогнула, когда в нее впился стальной взгляд серых глаз. Она поняла, что такую даму, как Герда Линдманн, наверное, редко хватают за рукав. И еще реже говорят ей «нет».

– Я хочу это посмотреть! – потребовала Герда резким командным тоном. Эмма нерешительно кивнула и отпустила ее.

– Хорошо, только не торопись. Лестница довольно опасная.

– Что ж, если я переломаю ноги, то рядом врач, который все исправит, – отрывисто ответила Герда и, тяжело дыша, принялась подниматься по ступенькам. Лестница была настолько узкой, что юбка свисала по обеим ее сторонам. Эмма поспешно подобрала подол и понесла его как шлейф невесты, идущей к алтарю.

– Конечно, исправлю. Но если сломаешь бедро, то сделать это будет не очень просто! – воскликнула она.

– Ты прижимаешься ко мне вплотную, поэтому по крайней мере у меня будет мягкая посадка, – выдавила Герда и остановилась на полпути, чтобы перевести дыхание.

Эмма закатила глаза. Герда очень отличалась от большинства своих ровесниц. Она была светской львицей и пользовалась большим уважением в кругах гамбургской элиты. Несмотря на это, Герда обычно делала что хотела, не заботясь о мнении окружающих. «Что ж, богатая, повидавшая мир вдова может позволить себе то, что не может позволить большинство женщин», – размышляла Эмма. «Она набралась этого у иностранцев!» – говорили люди, когда поведение Герды шло вразрез с общественными устоями, и нетерпеливо отмахивались, не забывая при этом улыбаться. Трудно поверить, что она была лучшей подругой покойной бабушки Лили. «Невозможно найти двух более разных женщин», – подумала Эмма, вспомнив все, что слышала о Китти Карстен.

Поднявшись наверх, они услышали доносящиеся с улицы ржание лошадей и скрип колес. Подошли к окну и увидели, как Тони спрыгнул с козел и открыл перед Зильтой дверь красно-коричневой повозки, а потом снял кепку, заметив стоявших у окна женщин. Те одновременно помахали в ответ.

– Ну наконец-то, – проворчала Герда.

– Просто ты пришла слишком рано, – успокаивающе сказала Эмма.

– А она – слишком поздно. Что ж, пора возвращаться вниз, – вздохнула она, поглядывая на лестницу.

– Не хочешь подождать здесь? Я сбегая за Зильтой и приведу ее... – начала было Эмма, но Герда фыркнула:

– И не мечтай!

Когда они спустились вниз, Зильта Карстен стояла на кухне и оглядывалась по сторонам. Было странно видеть посреди простой мебели и древесных опилок элегантную женщину в шляпке, украшенной пером. Однако глаза ее сияли.

– Все так изменилось! – воскликнула Зильта, подходя к ним, чтобы расцеловать в щеки. Эмма заметила, что она прижимает руку к животу, и обеспокоенно спросила:

– Как твое самочувствие?

Зильта кивнула и с улыбкой ответила:

– Ты же знаешь, меня всегда укачивает в карете. Уверена, это скоро пройдет.

По позе Зильты можно было с уверенностью сказать, что ей нехорошо, но Зильта старалась этого не показывать, как и всегда.

– Давай все осмотрим, раз уж ты приехала, – сказала Герда, протягивая Зильте руку. Зильта взяла ее, и обе дамы направились в сторону подсобных помещений.

Эмма слышала, как Герда рассказывает Зильте то, что совсем недавно узнала от нее, и улыбнулась. С тех пор как Лили уехала, Герда Линдманн окружила Зильту трогательной заботой. Зильта тогда была лишь тенью себя прежней. Потеря двоих детей из троих лишила ее радости жизни. К этому прибавились недомогания, сильные лекарства, которые она принимала... В то время Эмма была всерьез обеспокоена душевным состоянием Зильты, которое колебалось между возбужденным, депрессивным и странно восторженным. Эмма просила Зильту быть сильной, постоянно напоминала о том, что Лили с Михелем живы и что однажды они снова встретятся... Через некоторое время Альфред разрешил матери навестить Михеля. За первым разом последовал сначала второй, потом третий, и теперь родители ездили к нему каждые несколько недель. С тех пор Зильта преобразилась: оживилась, стала интересоваться тем, что происходит вокруг, глаза ее прояснились. Она решила двигаться дальше, несмотря на то, что теперь на ее красивом лице лежала тень страдания, мелкие морщинки вокруг глаз стали глубже, а взгляд – жестче. Не последнюю роль в этом сыграла дружба, сложившаяся между ней, Эммой и Гердой. Все три женщины были очень разными, однако стоило им встретиться, как между ними начинало искриться вдохновение.

Герда отличалась прямолинейностью, говорила то, что думала, и знала множество интересных историй. Начитанная и умная Зильта всегда выглядела спокойно и элегантно. Женщины обсуждали как политику, так и социальные проблемы, и Эмма обнаружила, что взгляды Зильты не сильно отличаются от взглядов ее дочери, просто она не выносит их за пределы своего салона. Да и вообще старается не озвучивать. Однако в обществе Герды и Эммы постепенно начала оттаивать. Однажды Герда показала Зильте статьи, которые Лили писала для гражданской газеты под псевдонимом Л. Михель, когда жила в маленькой квартирке на Фюлентвите. Поначалу Зильта испугалась, но потом с восхищением проглотила статьи, не в силах поверить, что ее дочь способна написать подобное. Было видно, что одновременно с испугом она испытывает гордость.

Эмма много рассказывала о работе в приюте и об ужасных условиях, которые царят в бедных кварталах Гамбурга. Трудно сказать, с чего все началось. Сначала Эмма раз или два вскользь упомянула о том, что они с Лили мечтали открыть приют для попавших в беду женщин – молодых матерей и жертв домашнего насилия. К ее удивлению, Герда, а через какое-то время и Зильта загорелись этой идеей и захотели воплотить ее в жизнь. И вот их женский

приют должен скоро открыться. Эмма еще раз огляделась. Герда может сколько угодно ворчать, но она безумно гордилась тем, чего они добились.

В следующее мгновение послышался крик:

– Господи боже! Эмма! Сюда!

Она бросилась в соседнюю комнату и увидела там Зильту, которая стояла на коленях, прижав руки к животу. Ее лицо побледнело, а на лбу выступил пот.

– Что с ней? – суежилась Герда, словно испуганная курица.

Эмма помогла Зильте подняться на ноги.

– Тебе нужно прилечь, – успокаивающим тоном сказала она и повела Зильту в подсобное помещение, где стоял диван. Зильта медленно села, и лицо ее исказилось от боли.

Эмма сочувственно посмотрела на нее и сказала:

– Я принесу тебе что-нибудь попить, а ты пока ложись, вытяни ноги.

Кивнув, Зильта подчинилась. Герда села рядом и осторожно похлопала ее по руке. Эмма же поспешила в лавку через дорогу за кувшином темного пива. Здешнюю воду лучше не пить: хотя приют находится не в неблагополучном Гэнгифиртеле, но вода все же поступает из каналов. Эмма обеспокоенно оглянулась на дом. С тех пор как несколько лет назад она взяла Зильту под свое наблюдение, той стало значительно лучше. Симптомы заметно уменьшились, и застарелый недуг, казалось, начал отступать. Однако лекарства не было. Зильте придется жить с этой болезнью вечно.

* * *

Лили торопливым шагом пересекла туманную Черч-стрит, прошла мимо трамвая, запряженного лошадьми, и толкнула богато украшенную деревянную дверь магазинчика «Хакаби и Хакаби», на ходу откидывая вуаль и снимая перчатки. Над головой зазвенел колокольчик, и Лили окутал запах старой бумаги. Прихожая напоминала вход в маленькую пещеру: низкие потолки магазинчика едва позволяли встать в полный рост. На полках десятки и сотни книг пылились в ожидании покупателей. Тут и там можно было увидеть стаканы с загадочным содержимым. В углу стояла лошадь-качалка, глядевшая на Лили желтыми стеклянными глазами, а над прилавком, тихо поскрипывая, висела клетка с чучелом альбатроса. Сам прилавок тонул в ворохе бумаг и разных вещей, которые, казалось, менялись каждую неделю. «Хакаби и Хакаби» был не только книжным и букинистическим магазином, но еще и антикварным.

Лили с любопытством разглядывала непонятную штуковину, похожую на деревянный протез пальца ноги, когда из-за полога появился господин Хакаби. При виде Лили он улыбнулся, отчего морщинок у него на лице стало еще больше.

– Госпожа фон Каппельн! Признаться, не ожидал, что вы так быстро прочитаете «Нортенгерское аббатство»... – Господин Хакаби запнулся и пораженно замер, наткнувшись взглядом на синяк у Лили под глазом.

– Я и не прочитала, – поспешила признаться она, не дожидаясь, пока господин Хакаби что-нибудь скажет. – Он дается мне непросто. Кэтрин со своей любовью к готическим романам и жаждой приключений... Несколько лет назад я была такой же. Это все равно что читать о себе. Кэтрин очень забавная и немного сумасбродная, но я пока не решила, как к ней относиться.

Господин Хакаби покачал головой.

– Вы пока в начале романа. Подождите, пока Кэтрин вернется из Бата. Героиню ждет удивительное преображение. – Он улыбнулся. – Я не зря рекомендовал вам эту книгу.

– Так я и думала. Обязательно дочитаю ее до конца. Скажите, у вас есть «Король Лир»? – спросила Лили, резко меняя тему, потому что взгляд господина Хакаби снова остановился на ее синяке.

– А-а-а. – Старик понимающе наклонив голову. – История о старом короле, чье властолюбие привело к великой несправедливости, и о его любимой отвергнутой дочери, которая возвращается к отцу, несмотря на нанесенную ей обиду, – произнес он и задумался, уставившись отсутствующим взглядом прямо перед собой. – Пьеса о хрупкости рукотворного мира, полного интриг, которые в конечном итоге разрушают добро, и после прочтения читатель останется совершенно опустошенным, без надежды, без объяснений. – Господин Хакаби подмигнул. – В моих закромах всегда найдется «Король Лир». Если хотите знать мое мнение, то это лучшее произведение Шекспира!

– Думаете? Я всегда считала «Короля Лира» слишком жестокой книгой. Мне куда больше нравится «Венецианский купец».

Потерев крючковатый нос, господин Хакаби заинтересованно склонился над прилавком и сдвинул брови.

– Необычный выбор. Чем подкупила вас эта пьеса? Позвольте угадать: вам понравилась хитроумная Порция, которая вышла замуж за обедневшего Бассанио, отвергнув богатых женихов, и выиграла суд благодаря тому, что воспользовалась точностью слов в своих интересах.

– Совершенно верно, – тепло улыбнулась Лили. – К сожалению, Порция выиграла суд не только потому, что трактовала слова так, как ей выгодно. Но и потому, что переделалась в мужчину. Я считаю это единственным недостатком пьесы.

– Хм-м-м... – Улыбка господина Хакаби стала шире, а глаза сверкали, как всегда, когда ему выдавалась возможность обсудить с кем-нибудь литературу. Он постучал по прилавку длинным указательным пальцем и сказал: – Возможно, это не столько недостаток, сколько отражение своего времени. Искусно скрытая критика общества.

– Несомненно. Но разве было бы не прекрасно, если бы Порция одержала победу как она сама? Возможно, если бы в прошлом мужчины-писатели осмеливались изображать своих героинь иначе, то сегодня положение женщин в обществе было бы иным.

Господин Хакаби прислонился к стоявшему позади него шкафу, отчего книги на полках опасно покачнулись.

– Вот только могли ли они это сделать? Герои Шекспира связаны правилами и условностями времени, в котором он жил. Свобода его действий была ограничена. Женщина не могла стать юристом – как, впрочем, и сейчас. Елизаветинская эпоха была еще консервативнее нашей. Несмотря на это, Шекспир сделал Порцию правительницей. Вспомните, как он описал ее царство...

– Как сказочный мир, полный лунного света и романтики, – презрительно бросила Лили.

– Который, однако, в лучшую сторону отличается от мужской Венеции, где все подчинено торгово-экономическим вопросам, – возразил господин Хакаби.

– Я считаю неправильным делить миры на «мужской» и «женский». – Лили решительно скрестила руки на груди. – Мы живем вместе. Зачем нас сравнивать? Почему один пол должен быть лучше другого?

Господин Хакаби просиял.

– Это один из важнейших вопросов всех времен! И Шекспир поднимает его посредством своих героев. Видите, насколько гениален он был?

– Конечно, можно интерпретировать пьесу и таким образом, – ухмыльнулась Лили. – Шекспир действительно бросает вызов существующим условностям.

– И таким образом заставляет читателей задуматься о них, – заключил господин Хакаби. – Я понимаю, почему вам нравится эта пьеса. Как правило, люди сопереживают героям, которые им близки. Порция – неординарная, умная и начитанная женщина, которая с помощью хитрости проникает в мир мужчин и отказывается от главенствующих ролей. Совсем как и вы!

Лили грустно улыбнулась.

– Вот только Порция чего-то добилась. А я... – Она пожала плечами. – Недостаточно отказаться от корсетов и произносить громкие речи за закрытыми дверями. С каждым годом все больше женщин выступают против существующего порядка. В Германской империи тоже. Минна Кауэр, Гедвига Дом... Они пишут и публикуются, создают ассоциации, требуют равенства и права голоса.

– Насколько мне известно, эти замечательные женщины – вдовы?

– Вы их знаете? – удивилась Лили.

– Конечно! – с улыбкой отозвался господин Хакаби. – У меня есть очерки госпожи Дом. Хотя, должен признаться, мне непросто их читать.

Лили кивнула.

– Эти женщины и правда вдовы. Но они выступали и прежде... – Она беспомощно вскинула руки.

Взгляд старика-книготорговца смягчился.

– Каждый сражается в меру своих возможностей, дорогая моя. Именно об этом я только что говорил. Вы тоже живете в рамках, которые накладывают на вас определенные ограничения.

– В рамках? Больше похоже на клетку. – Лили машинально вскинула руку к щеке, но потом торопливо опустила.

– Прутья которой вы уже научились гнуть, – улыбнулся господин Хакаби. – Садитесь к камину, я сейчас принесу «Короля Лира». Хотите чашечку чая? Мне бы хотелось показать вам кое-что еще.

Лили охотно позволила господину Хакаби отвести себя к расположенному в углу маленькому камину, где потрескивало пламя, села в старое кресло, в котором сидела уже сотни раз, взяла протянутую ей чашку и с наслаждением вдохнула. Восхитительный чай «ассам», всегда стоявший у господина Хакаби на огне, был для Лили неразрывно связан со временем, проведенным в маленьком книжном магазине за чтением или обсуждением прочитанного.

Лили наткнулась на этот магазинчик одним туманным ноябрьским днем и с тех пор частенько сюда заглядывала. Она давала господину Хакаби уроки немецкого, а тот взамен снабжал ее книгами и помогал ей практиковаться в разговорном английском. Старик-книготорговец стал Лили другом и наперсником, без которого она бы не пережила годы на чужбине.

Лили отхлебнула большой глоток из исходящей паром чашки. Только теперь, после теплого чая, она осознала, как сильно замерзла. По приезду она почти сразу поняла, что в Англии никогда не бывает по-настоящему тепло. Особенно в это время года. Нельзя сказать, что стоял ужасный холод, но прохлада пробирала до самых костей. Лили подняла взгляд и посмотрела в маленькое запотевшее окошко. По улицам плыл туман. Прохожие, опустив глаза, спешили по домам. «Вряд ли один из них забредет сюда», – с облегчением подумала Лили. Магазины «Хакаби и Хакаби» был ее убежищем в этом холодном, мрачном городе, в котором она чувствовала себя чужой.

– Вот ваш «Лир». Приходите, после того, как прочитаете, и мы его обсудим! Мне любопытно узнать ваше мнение. Оно как глоток свежего воздуха. – Господин Хакаби подмигнул. – Это тоже вам.

Лили удивленно посмотрела на висевшую на шнурке плоскую жестяную штукуну, которую с серьезным видом вручил старик. Лили с интересом поднесла ее к свету.

– Что это?

– Это... – господин Хакаби сделал театральную паузу, – фотографическая камера Штирна! Одна из самых маленьких камер в мире. Ее еще называют консервной банкой.

Лили нахмурилась.

– Фотографическая камера? Быть не может!

Господин Хакаби осторожно забрал у нее жестянку.

– Да, все так говорят! Привлекательность этой камеры – ее еще называют детективной – заключается в размере. Ее можно спрятать под жилетом и незаметно сфотографировать заветный объект. Вы только подумайте! Эту камеру можно спрятать где угодно: в сумочке, трости, даже в книге! – Господин Хакаби бережно погладил жестянку длинными пальцами. – Однако у этой малышки дурная репутация: судя по всему, ее часто используют для... как бы это сказать... непристойной слежки за дамами. – Он неловко кашлянул.

– Невероятно! Не знала, что такое вообще возможно! – Лили была в восторге.

Господин Хакаби гордо кивнул:

– Изобретение Рейха.

– Но зачем вы мне его показываете? – спросила Лили, которая, как ни старалась, не могла этого понять.

– Ну... – Господин Хакаби замялся и, прочистив горло, продолжил: – Я подумал, что она может помочь вам в ваших исследованиях. – Он нервно вертел в руках маленькую камеру. Уши его резко покраснели. – Один журналист из газеты «Эхо Ливерпуля» хотел бы с вами встретиться. Точнее говоря, он хотел бы поработать с вами. Ваши статьи очень его заинтересовали.

Лили уставилась на господина Хакаби, лишившись дара речи.

– Но как вы... как... Ничего не понимаю! – наконец воскликнула она.

– Надеюсь, вы простите меня за то, что я решил попытать удачу и показал ваши статьи посторонним лицам. Я не хотел давать вам ложных надежд, поэтому ничего не сказал.

Лили не могла поверить услышанному. Она молчала, пытаясь осмыслить то, что говорил господин Хакаби.

– Надеюсь, вы не держите на меня зла? Я хотел отплатить вам за все то время, которые вы так терпеливо помогали мне подтянуть мой бедный немецкий.

Лили покачала головой:

– Нет, напротив! Однако это так неожиданно, что я просто не знаю, что сказать... – пробормотала она, а потом торопливо добавила: – Да и потом, я наслаждалась каждой минутой наших занятий.

Господин Хакаби улыбнулся:

– Взаимно! Поэтому мне захотелось что-нибудь для вас сделать, и я решил задействовать свои связи. Мой знакомый журналист счел ваши статьи великолепными. Если бы они сопровождались фотографиями, то наверняка произвели бы еще большее впечатление. Печатные статьи все чаще сопровождаются фотографиями. Вот почему когда на прошлой неделе один торговец предложил мне купить камеру, я сразу же ухватился за эту возможность. – Господин Хакаби деловито склонился над камерой. – Вы только посмотрите, как все просто. Времена многочасовой экспозиции и огромных штативов остались в прошлом!

Лили заинтересованно подалась вперед.

– Затвор срабатывает, и благодаря механизму перемены кадров негатив самостоятельно поворачивается на шестьдесят градусов. Таким образом, всего можно сделать шесть фотографий! – с сияющими глазами объяснил господин Хакаби. – Их размер – всего сорок два миллиметра. Чтобы сработал затвор, достаточно потянуть за эту тонкую ниточку, – торжествующе заключил он. – Камеру можно спрятать в сумочку. Хотя, конечно, было бы лучше получить разрешение на съемку. – Он весело подмигнул.

– Просто невероятно! – Лили с благоговением и трепетом посмотрела на маленькое устройство, которое казалось самым что ни на есть колдовским творением. Для Лили фотографирование было долгим и ужасно утомительным мероприятием, во время которого приходилось часами стоять неподвижно, отчего лицевые мышцы застывали в одном положении, и человек выглядел как угрюмая восковая кукла.

– Появление новых интересных изобретений – отличительная черта нашего времени, не правда ли? – улыбнулся господин Хакаби.

– И ваш знакомый хочет, чтобы я написала статью для газеты? – Лили взволнованно потерла щеки. – Но о чем же?

– Он думал о какой-нибудь документальной хронике о бедняках. Не знаю, заметили ли вы или нет, но английское общество проявляет повышенный интерес к так называемому трущобному туризму.

Лили кивнула, а потом спросила:

– Но разве этот интерес не должен пресекаться?

– Должен. По крайней мере, в существующем виде. Ужасно смотреть на больных и бедняков как на предмет развлечения... Однако некоторым людям небезразлично, как живут нуждающиеся, что уже привело к благотворительным фондам и программам реновации... Мы должны указывать обществу на его недостатки. Богачи находятся в социальной и культурной изоляции, из-за чего даже не подозревают об ужасах, которые творятся в бедных районах. Они живут на роскошных улицах, в своих особняках, не желая иметь ничего общего с остальной частью города. Все мы несем ответственность за это!

Лили вздрогнула, невольно вспомнив, как Йо отвел ее в трущобы. В тот жаркий летний день она впервые осознала, какая глубокая пропасть существует между людьми из разных сословий и какая бездна кроется в сердце ее любимого города, всегда казавшегося таким величественным и прекрасным.

– Покажите людям, что видите! – сказал господин Хакаби с воодушевлением. – И напишите об этом! Вам всегда удавалось замечательно подобрать слова.

– Но... камера же очень дорогая... – Лили с ужасом подумала о скромном ежемесячном пособии, которое втайне от Генри выплачивали ей родители. Лили воспринимала эти деньги как своего рода контрибуцию за нежеланный брак. Она берегла каждый шиллинг и складывала деньги в банку, которую прятала глубоко в шкафу за постельным бельем. Лили не копила ни на что определенное, но накопления давали ей ощущение безопасности. Она не могла с ним расстаться. – Я не могу позволить себе такую покупку, – с грустью призналась она.

Господин Хакаби серьезно кивнул.

– Давайте считать ее ссудой. Расплатитесь со мной после того, как закончите статью.

– Нет, я не могу ее принять! – воскликнула Лили.

– Конечно, можете! Более того, должны, – возразил господин Хакаби, вложил фотокамеру Лили в руки и накрыл их своими большими ладонями. – Отказ я не приму.

Час спустя Лили взбежала по ступенькам на крыльцо современного особняка, в котором жили они с Генри и Ханной. Было уже около четырех, а ей еще предстояло переодеться. К чаю Лили ожидали в длинном платье, перчатках и шляпке, которые в этой стране было принято носить даже в помещении.

Шляпка пришлась очень кстати – помогала скрыть синяк. Генри поступил очень неосмотрительно, ударив Лили по лицу. Обычно он вел себя осторожнее. Впрочем, в тот вечер Лили и правда наговорила лишнего... Опомнившись, Генри пришел в ужас от самого себя. Окружающим было сказано, что она неудачно упала.

После того, как Мэри помогла ей переодеться и привести себя в порядок, Лили проскользнула в гостиную и с облегчением вздохнула: там никого не было. Она не знала, кто сегодня придет. Генри почти каждый день приводил домой гостей, чтобы Лили не скучала, в основном – будущих врачей, с которыми познакомился в университете, и их скучных жен, с которыми у Лили не было ничего общего. Вздохнув, она села на расшитый узорами диван. На столе уже стояли изящные чашки из дорогого британского костяного фарфора и серебряный поднос с сэндвичами, булочками, пирожными и прочей выпечкой. Сэндвичи с огурцами Лили не любила, булочки считала сухими, а выпечку – жирной. Увидев еду, она, как и каждый день, с тоской вспомнила Герту и ее абрикосовый пирог. Лили понимала, что намеренно настраивает себя против Англии, ее обычаев и нравов – в знак безмолвного бунта, доставлявшего ей

невероятное удовольствие. «Женщинам только и остается, что бунтовать молча», – подумала Лили, глядя на еду. Ну, может быть, не совсем...

Лили с радостным предвкушением подумала о камере у себя в сумочке, потом вдруг поймала свой взгляд в зеркале над камином. Встала, подошла ближе и с минуту себя рассматривала. Рыжие локоны, как и обычно, непокорно вились вокруг лица и выбивались из замысловатой прически. Бесчисленные веснушки ярко выделялись на белой коже, а в освещении салона голубые глаза смотрели жестко и пронзительно.

– Ты изменилась, – частенько говорил Генри в минуты затишья, почти печально глядя на Лили поверх стакана с виски и словно пытаясь понять, кого же видит перед собой на самом деле. – Та милая девушка, которую я некогда знал, исчезла без следа.

– Я никогда не была милой, – всегда отвечала Лили с едва скрываемым презрением. Впрочем, она прекрасно понимала, что Генри имеет в виду. Просто их представления о мире отличались. Лили назвала бы прошлую себя «наивной, конформистской, непросвещенной». Генри имел в виду наивную Лили. Лили, которую мог подчинить своей воле, которая не имела ни малейшего представления о мире, о политике и социальной справедливости. Которая не имела ни малейшего представления о том, кто она и кем хочет стать.

Генри был прав: она изменилась. Она сама замечала это, когда смотрелась в зеркало. За последние несколько лет Лили повзрослела, и было видно, что ей пришлось пережить много печалей. «И горестей, – подумала она. – Я выгляжу уставшей. И грустной». Она потрогала синяк и поморщилась от боли.

Внезапно ей пришла в голову одна мысль. Она поспешила к себе в комнату, вытащила из сумочки камеру и подошла к зеркалу. Повернула голову в сторону, потянула за шнур и, не до конца понимая, зачем это делает, сфотографировала синяк.

– Фра-а-анц! – Пронзительный голос Розвита эхом разнесся по дому.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул и выдохнул сквозь зубы, положил руки на комод и бросил на свое отражение встревоженный взгляд.

– Фра-а-а-анц! – Конечно, она не давала ему покоя. Она никогда не давала покоя. Через две секунды она ворвалась в дом. – Вот ты где, разве ты не слышал, как я звала?

Франц не ответил, только с легкой усмешкой приподнял брови. За два года супружества он понял, что нет особой разницы, игнорирует он жену или нет. Розвита говорила так много, что этого даже не замечала.

– Что скажешь? Мне идет? Или от этого цвета я кажусь еще бледнее, как думаешь? – Розвита покрутилась на месте, шаркнула ножкой и развела юбки своего нового платья.

Франц скривил уголки рта. Какой нелепый наряд! Дурацкие пышные рукава... И кто посоветовал ей надеть эту шляпку? Корсет зашнурован слишком туго, отчего Розвита похожа на рождественский окорок. Франц с отвращением посмотрел на ее груди, выпирающие из-под кружев.

– Ты как всегда очаровательна. Но теперь, после твоих слов... мне и правда кажется, что ты немного бледна. Как твое самочувствие?

Розвита испуганно уставилась на него.

– Прекрасное! Неужели я и правда выгляжу такой бледной?

Франц кивнул, напуская на себя обеспокоенный вид.

– Немного. Но если ты говоришь, что чувствуешь себя прекрасно, возможно, дело действительно в цвете. Почему бы тебе не надеть голубое платье? Оно очень тебе идет.

– Но... это совсем новое, – объяснила она. – Я заказала его специально для сегодняшнего вечера.

Конечно, он прекрасно это знал.

– Вот как? Понятно... Ну хорошо... – Помолчав, Франц небрежно спросил: – Шляпка тоже новая?

– Да, конечно. – Розвита удивленно посмотрела на него и коснулась полей чудовищного нечто, щедро украшенного цветами и перьями. – Почему ты спросил?

– О... – Франц покачал головой. – Я просто подумал... Знаешь, возможно, нам следует сменить портниху. У меня иногда возникает ощущение, что она недостаточно современна. Или просто она слишком стара. Ее одежда всегда немного... как бы это сказать... не всегда идет в ногу с модой. – Он практически видел, как Розвита падает духом.

– Ты так думаешь? – прошептала она.

– Дорогая, ты же знаешь, что прекрасно выглядишь в любом платье, – покровительственно заверил жену Франц. – Я просто хотел сказать, что это платье не очень модное. Но, быть может, такое ты и хотела? Быть может, ты предпочитаешь что-то классическое?

Розвита растерянно покачала головой.

– Нет, я... подумала. – Она потрогала тяжелую фиолетовую ткань. – Теперь я себе совсем не нравлюсь, – пробормотала она.

– В таком случае переоденься. – Франц дружелюбно погладил ее по руке. – Тогда ты не будешь выглядеть такой бледной.

– Но... на это нет времени! – Розвита торопливо подбежала к зеркалу, посмотрела на свое отражение и в ужасе всплеснула руками. – Ты прав, я не могу выйти на люди в таком виде.

Франц встал рядом, довольной поглаживая маленькую бородку, которую отращивал уже несколько месяцев.

– Не преувеличивай, дорогая. Фиолетовый – не совсем твой цвет, но не думаю, что кто-нибудь это заметит. В конце концов, люди не обращают внимания на такие мелочи. Конечно, ты можешь пойти и так.

Розвита обернулась.

– Очень даже обращают! – разочарованно воскликнула она, и Франц увидел, что в глазах у нее блестят слезы. – Что же мне теперь делать?!

– Выбора нет. Теперь тебе придется идти вот так. А ведь сегодня я должен представить тебя нашим новым инвесторам! – сказал Франц с важным видом. – Так хотелось произвести на них хорошее впечатление... – Когда глаза Розвиты испуганно расширились, он воскликнул: – Шучу! Дорогая, ты волнуешься совершенно напрасно. Если кто-нибудь заметит, как ты бледна, мы просто скажем, что тебе нездоровится. Все ждут, что ты окажешься в положении, поэтому никто не удивится.

Эти слова сломили Розвиту. Прошло почти два года после свадьбы, а ребенка у них с Францем все не было. Франц знал, как сильно это ее тяготит, как сильно она хочет забеременеть. И как много окружающие об этом говорят.

Розвита закусила губы и молча кивнула.

– Да, так и скажем, – пробормотала она.

Франц фальшиво улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

– От тебя приятно пахнет. Новые духи?

– Нет, – упавшим голосом ответила она.

– Мне кажется или ты стала немного крупнее? – Франц обхватил жену за талию, словно измеряя окружность. – Ты ведь ничего от меня не скрываешь, правда? – Он посмотрел на Розвиту в зеркало. Она выглядела такой испуганной, что ему пришлось очень постараться, чтобы не рассмеяться.

Розвита застыла перед зеркалом и уставилась на свой живот. Она сильно потолстела. Впрочем, Францу не нужно было об этом говорить, Розвита и сама все знала. Вес был ее большой темой.

– Конечно нет, – вздохнула она, и Франц разочарованно кивнул.

А мысленно с облегчением вздохнул. Слава богу! Он сделал все возможное, чтобы Розвита не забеременела. Впрочем, никогда нельзя быть уверенным наверняка... Чтобы он – и

стал отцом... одна мысль пугала. Франц старался не думать о том, что уже стал им. Где-то там существует маленький мальчик с его глазами. Франц невидяще уставился в окно. Интересно, что унаследовал от него мальчик? Вздвогнув, Франц отмахнулся от этих мыслей. Одно дело – ребенок, о котором ничего не известно, и совсем другое – ребенок, который бы находился здесь, в доме. Ни в коем случае! Франц уж постарается это предотвратить. По крайней мере, пока.

Он взял свою шляпу и вышел из комнаты, Розвита молча следовала за ним, покусывая нижнюю губу. Франц не смог подавить ухмылку.

Уходящая зима крепко держала Гамбург в своих ледяных объятиях. По утрам двери карет примерзали, бобровый мех продавался втридорога, служанки ночами не спали, грея металлические грелки для хозяйских кроватей. Маленькие грелки для ног, деревянные и металлические коробочки с углем, которые дамы высшего сословия могли положить под юбку, читая в гостиной, раскупались нарасхват. Огонь в чугунной печи на кухне Карстенов горел день и ночь; ни одна другая комната в доме не была такой теплой, поэтому даже мужчины заглядывали на кухню чаще обычного, чтобы погреться. Герта возродила забытую традицию и подавала на завтрак горячий суп, чему все домочадцы были несказанно рады. Зильта купила служанкам нижнее белье на подкладке и новые перчатки. По воскресеньям после церкви люди катались на санях по Бинненальстеру, стояли небольшими группками на морозе и жаловались, что весна никак не придет.

В одно из таких воскресений, когда все, кроме Агнес, катались на санях, Зильта Карстен сидела у потрескивающего камина, изучая каталог поставщика. Она была ужасно взволнована: ожидалась важные гости. Чтобы отвлечься, Зильта решила заказать новую обивку для кресел и, возможно, даже новый сервант. Однако она не могла купить то, что нравится. Существовали строгие требования. Идеальный салон был стандартизирован по всей Пруссии. Зильта поджала губы и решительным движением перевернула страницу. Нет, такое не в ее вкусе, ей больше по душе сдержанность, чем помпезность и аляповатость. Но что поделать, Зильта не может пойти к портному и заказать ту обивку, какую хочет. «Это вызвало бы скандал, – подумала она и сделала глоток кофе. – И мы бы не смогли больше принимать гостей». Зильта усмехнулась при мысли о том, что «неправильный» интерьер салона померк бы на фоне скандалов, который уже пережила ее семья, однако слухи все равно разнесутся по городу быстро. Ничто не привлекает всеобщее внимание так, как неподобающее поведение.

«Новые обои тоже не помешали бы», – подумала Зильта и посмотрела на стены рядом с камином. Невозможно представить, что в Англии до сих пор не запретили использовать мышьяк в обоях, хотя давно известно, что мышьяк опасен и даже может убить. В Империи продажу мышьяка давно запретили, но Зильта беспокоилась о безопасности Лили, которая находилась в Ливерпуле, и не раз просила ее убрать из комнат все зеленые предметы. В прошлом Зильта иногда задумывалась, не стали ли обои причиной болезни Михеля (некоторые вещи кажутся безобидными, а потом выясняется, что они невероятно опасны). В конце концов, раньше и у нее в спальне были зеленые обои. Со временем наружу выходит множество ошибок: свинец в краске для стен, опиум в сиропе от кашля...

Зильта вздохнула. Врачи сказали, что болезнь Михеля наследственная. Что это еще значит?! Лили и Франц совершенно здоровы, и никто из ее семьи... Зильта замерла. Быть может, она просто не знает о наследственных заболеваниях своих родственников, потому что больных детей забирали после рождения? Избавлялись от них или прятали, как Михеля? В конце концов, в прошлом к таким вещам относились иначе, чем сегодня. Зильта никогда не рассматривала такую возможность.

Она взяла каталог и продолжила листать его. Может, стоит заказать что-нибудь для детской? Эта мысль заставила ее сердце взволнованно забиться. Нет, нельзя надеяться почем зря...

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась взволнованная Агнес, которая поспешила сделать реверанс.

– С вами хочет поговорить один господин. Ну, этот... детектив! – Пухлая служанка сложила руки перед грудью, как в молитве, и многозначительно посмотрела на Зильту из-под чепчика.

Зильта встала. Ее сердце колотилось, как птица в клетке.

– Благодарю. Немедленно проводите его ко мне.

Стоило герру Науману войти в салон, как Зильта сразу поняла, что у него есть новости – впрочем, новости не очень хорошие, если судить по выражению лица. Нервно оглядевшись по сторонам, детектив снял шляпу-котелок и шагнул к Зильте.

– Фрау Карстен. – Он поцеловал ей руку.

– Герр Науманн, – поздоровалась Зильта и повернулась к Агнес, которая все еще стояла на пороге. – Агнес, пожалуйста, принесите нашему гостю кофе, – приказала она.

Служанка с любопытным видом сделала книксен и закрыла за собой дверь. Детектив подождал, пока они останутся одни, после чего сразу перешел к делу.

– Фрау Карстен, у меня есть новости. Хорошие и плохие. Я нашел ее. Но ребенок... ребенка у нее больше нет.

Потрясенная, Зильта жестом велела ему сесть, а сама опустилась на кушетку.

– Что вы имеете в виду? – выдохнула она. – Где вы ее нашли? С ней все в порядке? А малыш, Отто, неужели он...

Герр Науман быстро покачал головой.

– Он жив, не волнуйтесь. По крайней мере, насколько нам известно.

Зильта резко встала и беспокойно зашагала взад-вперед по комнате.

– Говорите, не томите. Что с моим внуком?

Герр Науманн расстроено затеребил шляпу в руках.

– Похоже, малыш Отто был... Мне тяжело говорить вам об этом. – Он глубоко вздохнул, и Зильта поняла, что невольно затаила дыхание. – Несколько лет назад мальчика отдали на усыновление и увезли за границу. Мне пока не удалось выяснить его местонахождение. И боюсь, не удастся.

Кровь отхлынула от лица Зильты. Она резко вдохнула.

– Что? – спросила она и снова села.

Герр Науманн обеспокоенно кивнул.

– Я нашел фрау Зеду в жалком состоянии. Она работает на фабрике, живет в приюте для незамужних работниц. Ее психическое состояние, как бы это сказать... оставляет желать лучшего.

Зильта потрясенно уставилась на детектива.

– Ничего не понимаю! Зеда ведь получила от нас хорошие рекомендации! Почему она больше не работает прислугой? И что это значит – психическое состояние?! А мой внук Отто? Почему ей пришлось отдать его? – Зильта находилась в полном замешательстве и была уверена, что герр Науманн говорит про какую-то другую Зеду. – Вы сказали, что я хочу с ней поговорить? Вы передали мое... сообщение?

Детектив серьезно кивнул.

– Конечно, передал. Однако фрау Зеда отреагировала не так, как мы надеялись.

Зильта подождала, и герр Науманн нерешительно продолжил:

– Она дала понять, что больше не хочет иметь ничего общего с вашим семейством. Похоже, она винит вас всех в своих бедах и не готова вас простить. Ей пришлось отдать Отто на усыновление, потому что она не могла содержать его, незамужняя и без пфеннига в кармане. Она хочет, чтобы вы знали... – Герр Науманн покраснел и прервался. – Прошу прощения,

фрау Карстен, но это не мои слова, а фрау Зеда. Она велела передать вам, чтобы вы... шли к черту со своей заботой.

После этих слов наступила мертвая тишина. Зильта тяжело сглотнула, переваривая услышанное. Потом кивнула.

– Что ж, я заслужила это, не так ли? – прошептала она.

Герр Науманн возмущенно покачал головой.

– Что вы, фрау Карстен! У девушки помутился рассудок. Мне показалось, она не совсем в своем уме. Возможно, пьет – такое часто бывает в ее кругах.

– И что же это за круги? – резко спросила Зильта, и детектив вздрогнул от неожиданности. – Зеда на протяжении многих лет была моим доверенным лицом. В том, что Зеду постигла такая участь, как я уже объяснила, виновата наша семья. Поэтому я запрещаю вам говорить о Зеде в таком тоне.

Герр Науманн нервно провел рукой по волосам.

– Разумеется. Прошу прощения, фрау Карстен.

– Дайте мне адрес, пожалуйста. – Зильта встала.

Герр Науманн уставился на нее, открыв рот.

– Фрау Карстен, вы же не собираетесь идти туда лично?! Это не место для приличной дамы. Поверьте мне, вы...

– Адрес, герр Науманн. В конце концов, именно за него я вам заплатила. – Зильта посмотрела детективу в глаза. – Я могу о себе позаботиться. Не беспокойтесь.

Герр Науманн нерешительно кивнул и достал из кармана жилета небольшой листок бумаги.

– Я также записал адрес женщины, которая забрала малыша Отто. Он в самом низу списка. Однако я приходил к ней уже дважды, и оба раза она отказалась сообщить местонахождение мальчика. Говорит, что должна защищать новую семью мальчика и что потеряет свой бизнес, если станет известно о том, что она выдала тайну усыновления. Но она заверила меня, что новая мать – богатая дама из Швейцарии, которая не может иметь собственных детей. Похоже, Отто с ней очень хорошо.

Зильта взяла записку. Нахмутив брови, прочитала написанное и почувствовала, как кровь в жилах заледенела.

– Элизабет Визе, – пробормотала она в недоумении.

– Вам знакомо это имя? – удивленно спросил герр Науманн.

Зильта подняла голову и, встретив его любопытный взгляд, быстро покачала головой.

– Нет. Откуда бы? – Она сама удивилась тому, как бессовестно солгала детективу в лицо. Что ж, за последние несколько лет она многому научилась.

Герр Науманн встал.

– Если я могу еще что-нибудь для вас сделать...

– Вы не выпьете кофе? – спросила Зильта.

Детектив отказался:

– Боюсь, мне нужно идти. Срочные дела. Пожалуйста, передайте вашей горничной мои извинения за то, что побеспокоил ее зря.

Зильта прошла с герром Науманном до дверей из комнаты и передала на попечение Агнес, которая уже ждала в холле, чтобы проводить его к выходу.

– Гонорар вы уже получили, – сказала она на прощание. – Примите мою искреннюю благодарность за помощь. Я полагаюсь на ваше благоразумие.

– Мне жаль, что я не смог сообщить вам лучшие вести. – Детектив поклонился. – Я всегда к вашим услугам, фрау Карстен. Можете быть уверены в моем молчании.

После того, как герр Науманн ушел, Зильта грузно опустилась в кресло и уставилась на пламя камина. Элизабет Визе. Повитуха, к которой ходила Лили...

И которая чуть не погубила ее вместе с Ханной. Зильта поджала губы. Ее затошнило. Альфред перевернул небо и землю, чтобы найти фрау Визе, но та словно растворилась в воздухе. Зильта решила, что повитуха уехала из Гамбурга, но, похоже, она все еще здесь, занимается своими грязными делишками.

Зильта взглянула на записку, которую держала в руке. Возможно, эта женщина – единственный человек в мире, который знает, где находится ее внук.

Йо поднял стакан и некоторое время смотрел, как свет масляной лампы преломляется в темно-коричневой жидкости. Затем одним глотком осушил пойло и скривился. В домашнем пиве Пэтти всегда чувствовалось горькое послевкусие. Впрочем, оно делало свое дело. Задумавшись, Йо вытер несколько капель с подбородка и вскользь отметил, что ему нужно побриться. Он окинул взглядом помещение. Чарли сидел в темном углу вместе со сгорбленным стариком, которого Йо никогда раньше не видел, и с жаром говорил что-то старику. У него на лице застыло выражение, которое Йо не узнавал. Казалось, Чарли что-то описывал, чертил руками воздух, говорил без остановки. При этом глаза его лихорадочно блестели. Сегодня он был сам не свой. Йо нахмурился. На коленях у старика лежал лист бумаги. Костлявые руки держали угольный карандаш, который порхал по бумаге, что-то рисуя. Взгляд, однако, был почти неотрывно устремлен на лицо Чарли. Старик вел себя так, будто рассказ интересовал его куда больше того, что происходило на бумаге.

– Неужто этот ублюдок вздумал заказать свой портрет? – весело сказал Йо. Чем Чарли занимается? Йо уже хотел было подойти поближе, чтобы рассмотреть эту странную картину, когда один из его приятелей, с которым он сидел у стойки, потянул его за рукав.

– Эй, Йо! Слышал, что толстосумы планируют создать ассоциацию работодателей?

Йо мрачно кивнул:

– Конечно. Что-то давно замышляется! Будем надеяться, что они не успеют это проверить до Первой. Если ассоциация работодателей и правда появится, то доставит нам в будущем немало сложностей.

Некоторые из мужчин вокруг сердито кивнули.

– Говорю же, нам придется несладко!

– Нет, если мы будем держаться вместе как одно целое, – возразил Йо.

– Да, но нельзя рисковать всем ради забастовки, когда дома тебя ждут дети! – прокричал кто-то из глубины помещения. – Тебе, Болтен, этого не понять!

Йо поморщился. Он бы с удовольствием приложил говорящего кружкой по темечку, однако он понимал причины их беспокойства. Йо сделал глубокий вдох и ответил:

– У меня также есть семья, о которой я забочусь. Вот почему я борюсь. Для того, чтобы мы могли жить лучше, – выдавил он, с трудом сдерживаясь.

Мужчина покачал головой и отвернулся. Йо сердито уставился в свою кружку. Он видел в глазах окружающих. Но именно этим и пользуются толстосумы! Если держаться вместе, то можно будет выдвинуть любые требования. В последние годы в ганзейском городе снова начались волнения. Прошло почти тридцать забастовок. И Йо мог с гордостью сказать, что приложил к этому руку. Конечно, он – всего лишь маленький винтик в колесе. Но сейчас на счету каждый винтик.

– Думаю, мы должны... – начал было Йо, но его перебили:

– Йо, иди скорее сюда! Чарли, он... Я не знаю, что с ним. – Фите вдруг встал перед ним и с испуганным видом указал в угол, где сидели Чарли со стариком.

Йо проследил взглядом за пальцем Фите и вздрогнул. Затем вскочил и в несколько шагов оказался рядом с другом.

– Чарльз, что случилось? – обеспокоенно спросил Йо, опустившись перед ним на корточки.

С Чарли творилось что-то странное. Он выглядел так, словно увидел призрака: лицо побелело, глаза были широко раскрыты. Схватил Чарли за руку, Йо заметил, что та дрожит, сжимая листок бумаги. Йо вспомнил, что старик что-то рисовал, и попытался отнять листок, но Чарли не выпускал ее из пальцев.

– Это она, Йо! – хрипло прошептал он.

– Кто? – спросил Йо, ничего не понимая. – Дай посмотреть!

Резко потянув за листок, он наконец смог высвободить его из цепкой хватки Чарли. Потом развернул и увидел перед женщиной, которая строго и в то же время с весельем смотрела на него с портрета. Йо пробрала дрожь. Женщина выглядела такой реальной, что казалось вот-вот сойдет с бумаги и заговорит.

– Это она! Не знаю, как старик это сделал. Может, он умеет колдовать, – прошептал Чарли, обеими руками поглаживая свою бороду. Взгляд его широко раскрытых от страха глаз был прикован к рисунку. Он стал еще бледнее, казалось, его сейчас стошнит.

– Я рассказал все: какой она была, как смеялась. Но... откуда ему было знать... Откуда ему было знать, как она... – Внезапно Чарли наклонился вперед, закрыл лицо руками и безудержно зарыдал.

Йо и Фите изумленно уставились на него. Йо не знал, как реагировать. Разговоры вокруг стихли, люди оборачивались и с любопытством смотрели на Чарли.

– Давай выведем его отсюда, – прорычал Йо, и Фите молча кивнул.

Они схватили Чарли под руки, попытались поднять – задача не из легких, поскольку он, значительно превосходил Йо, – и потащили к выходу, взяв под руки. Все это время Чарли сжимал в пальцах портрет молодой женщины.

Теперь Йо понял, что это Клэр. Единственная женщина, которую Чарли по-настоящему любил. Он с тревогой посмотрел на друга.

Клэр умерла более девяти лет назад.

Глава 3

При виде огромного мрачного здания Лили вздрогнула – как и всегда, когда подходила к рабочему дому Браунлоу Хилл. Башни, возвышавшиеся по обе стороны от главного крыла, представлялись ей безмолвными часовыми; бесчисленные окна, казалось, враждебно смотрели на нее. Дом был таким большим, что напоминал целый квартал. Лили работала здесь уже больше года. И хотя она не хотела пропускать ни одного дня, это место всегда казалось ей мрачным.

Интересно, что Кейт поручит ей сегодня? На прошлой неделе Лили пришлось купать вновь прибывших. Она до сих пор содрогается при воспоминании об этом. Тела, обезображенные холодом, голодом и болезнями, вызывали у нее смесь отвращения и сострадания. Но все же это было лучше, чем в «отделении для умалишенных», как официально называлось крыло, в котором содержались психически больные. Неофициально оно называлось «адам».

Открыв дверь в здание администрации, Лили остановилась от удивления. Внутри царил хаос, все бегали и суетились.

– Что происходит? – крикнула она, но было слишком шумно, и никто не обратил на нее внимания. Полная решимости, Лили протиснулась сквозь толпу. Кейт встретила ее в коридоре. Она несла огромную кучу грязного белья и кряхтела от тяжести.

– О, Лили, слава богу! Нам пригодится любая помощь. Мы ждем инспекцию по делам бедняков!

Щеки Кейт покраснелись, волосы растрепались.

– У нас совсем нет мест! Но что делать, не выгонять же бедняг на улицу...

Лили поспешила следом.

– Что надо сделать? – спросила она, на бегу забирая у Кейт часть белья.

– Навести порядок. Везде, где можно. Можешь пойти со мной. Уберем несколько кроватей из крыла для мальчиков. Мы уже освободили одну из тренировочных комнат, перенесем их туда, – объяснила Кейт, и женщины торопливо свернули за следующий угол.

Когда они открыли дверь, ведущую в крыло для мальчиков, то почувствовали резкий запах аммиака. Эта часть Браунлоу была самой переполненной и в то же время хуже всего проветривалась. Кроме того, многие дети мочились в постель по ночам. Отчасти из-за страха или ночных кошмаров, отчасти потому, что боялись выйти в туалет, расположенный далеко в темноте. Персонал не успевал менять постельное белье каждый день. Под некоторыми матрасами пол уже начал плесневеть, потому что регулярно пропитывался мочой. Но Лили знала: это одна из самых незначительных проблем. Сейчас в Браунлоу проживает около четырех тысяч человек, но согласно выданному разрешению может проживать не более трех тысяч шестисот человек. Здесь вечно не хватает персонала, однако при таком количестве спальных мест никто не может управиться с объемом работы.

Лили закатала рукава, стараясь не обращать внимания на резкий запах. В это время большинство детей находились на занятиях, поэтому лишь изредка из-под одеяла высовывалась маленькая детская головка. Лили огляделась. Кровати стояли так близко друг к другу, что между ними нельзя было даже просунуть руку. Многие были рассчитаны на трех человек. «Мы не справимся», – подумала Лили, когда поняла: им придется убрать почти половину кроватей, чтобы соответствовать требованиям.

Кейт уже принялась за работу. Проходила вдоль рядов, останавливалась у кроватей, состояние которых ей не нравилось, и быстрыми движениями сдергивала простыни. Лили последовала ее примеру – как была, в хорошем прогулочном платье, потому что не успела даже переодеться. Нежно погладив по голове одного из мальчиков, который был выбрит, чтобы не заводились вши, Лили принялась помогать. Торопливо осматривала кровати и стягивала самые

грязные из простыней, то и дело сдерживая подкатывающую к горлу тошноту – простыни были измазаны фекалиями. Многие дети были еще маленькими, но подгузники предназначались только для младенцев. Закончив, женщины взяли одну из кроватей и, стиснув зубы, понесли по коридору в освобожденное помещение. Обычно здесь хранились ткацкие станки, на которых дети работали после уроков.

Через полчаса Лили была вся в поту.

– Неужели никто не может нам помочь? – спросила она, держась за ноющую спину.

Кейт покачала головой.

– Остальные пытаются справиться с самыми грубыми нарушениями, весь дом верх дном, – объяснила она, продолжая работать.

Лили устало кивнула и с восхищением посмотрела на Кейт. Лили никогда не слышала от нее ни слова жалобы, какой бы тяжелой ни была работа. Это необычно само по себе, но учитывая, что Кейт – одна из самых богатых женщин города, так вообще невероятно! Вот и сейчас, увидев, как Лили остановилась, чтобы перевести дух, Кейт, не раздумывая, схватила одну из тяжелых железных кроватей за бортик и потащила к двери. Ее тонкие руки задрожали. Лили сделала глубокий вдох и присоединилась к ней.

Три часа спустя, обессиленная, она уселась за стол в столовой. Каждая косточка в теле болела. Они с Кейт убрали кровати и вымыли полы хлоркой, чтобы хоть на время скрыть запах. Кожа на руках Лили потрескалась, платье запахло. Она чувствовала запах собственного пота.

Кейт подошла к ней с бледным лицом и устало улыбнулась. В руках она держала поднос. Не говоря ни слова, поставила перед Лили одну тарелку с похлебкой – чем-то вроде рагу, в котором плавали мелко нарезанные овощи. На краю тарелки лежали кусочек мяса и ломтик хлеба. Выглядела еда неаппетитно, но от запаха у Лили заурчало в животе. Она взяла ложку и, как и Кейт, сидевшая напротив нее, принялась есть – да так быстро, что даже не успевала ощутить вкус. Потом глотнула теплого пива и огляделась по сторонам. «Если бы Генри увидел меня сейчас, то никогда бы не позволил сюда вернуться», – очередной раз подумала она. Скорее всего, Генри запер бы ее дома в чулане, ключ от которого потом бы выбросил. К счастью, ему и в голову не придет прийти сюда.

После того как Лили оправилась от родов и привыкла к роли новоиспеченной матери, ей довольно скоро стало скучно.

– Мне нужно что-то делать! – в один прекрасный день заявила она Генри, который в зародыше пресекал все ее попытки заняться благотворительностью. – У нас есть и сиделка, и няня, и повар, и прислуга. Я никого здесь не знаю, у меня нет друзей. Чем прикажешь целыми днями заниматься?

– Ну а чем занимаются другие женщины? – почти беспомощно ответил Генри. – Наверняка есть хоть что-нибудь, что...

– Нет! – грубо перебила Лили. – Ничего нет.

– Я купил все эти книги только для того, чтобы занять тебя! – возмутился Генри, как делал всегда, когда они заговаривали на эту тему. – Я не позволю тебе шлаться по сточным канавам и подбирать нищих бродяг, чтобы очистить свою совесть! Нет, об этом может быть и речи! Однажды ты уже испортила репутацию моей семьи. Я не позволю тебе сделать это во второй раз, слышишь? – Он встряхнул Лили за плечи. По лицу Генри было видно, что он вот-вот выйдет из себя, поэтому Лили просто кивнула и не сказала больше ни слова. С Генри нужно знать, когда остановиться. Его гнев зависел от количества выпитого им алкоголя.

Когда Генри вышел из гостиной, захлопнув за собой дверь, Лили ощутила вкус крови и осознала, что прикусила щеку. Она с каменным лицом налила себе виски, прополоскала рот и выплюнула покрасневшую жидкость в огонь, который сердито зашипел в ответ. Лили поняла, что должна действовать иначе. Мольбами и просьбами она ничего не добьется. Генри

был очень щедр, когда дело касалось вещей, поддерживающих видимость успеха, за которую все так отчаянно цепляются. Он покупал Лили все, что она хотела, ходил с ней в театры и на оперу, пусть даже спектакли наводили на него скуку. Однако все, что хоть отдаленно не соответствовало нормам, выводило его из себя.

Через три недели после этого разговора богатая молодая вдова, живущая по соседству, пригласила их на ужин, и жизнь Лили круто изменилась. Она часто вспоминала свое первое впечатление от Кейт: внушительный дом, красивое шелковое платье, тщательно накрашенное лицо. Генри тоже был впечатлен и весь вечер источал обаяние.

– Моя жена чувствует себя довольно одинокой. Не могли бы вы порекомендовать ей какой-нибудь клуб по интересам? – спросил он, изобразив на лице самую очаровательную улыбку. – Я не хочу, чтобы она перенапрягалась, но ей скучно сидеть дома одной...

Отвечая, Кейт смотрела не на него, а на Лили.

– Клуб по интересам? Боюсь, что нет... Однако она могла бы составить мне компанию. Видите ли, я – волонтер в рабочем доме. В основном мы занимаемся административными делами, – быстро добавила она, повернувшись к Генри, и мило улыбнулась.

– Почему бы и нет! – с энтузиазмом воскликнул Генри. – Если наша любезная соседка возьмет тебя под свое крыло, то мне не придется беспокоиться о твоей сохранности! – Ему не нужно было говорить, что он беспокоится не о сохранности Лили, а о репутации своей семьи; всем присутствующим это было ясно как день.

Еще по дороге в «Браунлоу» Лили поняла, что предстоящая работа не имеет ничего общего с административными делами.

– Не знаю, чем вы занимались раньше, но эта работа может вас потрясти, – осторожно начала Кейт, и Лили решила быть с ней откровенной. Она поняла, что доверяет Кейт – там чем-то напоминала Эмму. Лили рассказала о том времени, когда жила в трущобах и писала газетные статьи.

– Я бывала на рыбных заводах и в домах у бедняков. Я знаю, каково это, – объяснила она. – Мы с моей лучшей подругой хотели открыть женский приют. Это было нашей мечтой. Но... обстоятельства не позволили.

Кейт удивленно распахнула глаза, а потом хлопнула в ладоши.

– Я так подумала! Это видно по вашему лицу. Видно, что вы отличаетесь от остальных.

С годами Лили поняла: рыбак рыбака видит издалека. Единомышленники чувствуют друг друга, слышат не то, что было сказано, а то, что осталось между строк.

И вот сегодня, пока они ели, Лили поведала Кейт о камере и статье.

– Как здорово! – воскликнула Кейт, схватив ее за руку. – Лили, это прекрасная возможность!

Лили кивнула:

– Но я не знаю, с чего начать. Хроника бедности... Это может означать что угодно.

Кейт покачала головой.

– Я точно знаю, куда тебе нужно сходить. На север. В районы рабочего класса. Там живут дети, которые работают на фабриках, самые бедные из бедных. Там ужасно. Намного хуже, чем здесь. Вот с чего нужно начинать.

Франц услышал тихий плач в темноте и подавил раздраженный стон. Неужто придется спрашивать, что с ней стряслось? Некоторое время он лежал, глядя на складки занавесок у кровати. Свет луны отбрасывал тени на выцветшие обои, откуда-то снизу доносились шорохи – наверное, то возились служанки на кухне.

Огонь в камине тихо потрескивал, почти догорев. Франц чувствовал себя грязным и в то же время удовлетворенным – как и всегда, когда спал с женой. Дело сделано, теперь у него есть несколько недель передышки. Стаканчик виски, который он пропускал перед этим делом, помогал думать о другом. Он и сам удивлялся, как хорошо ему это удастся. И все же больше

всего ему сейчас хотелось отбросить одеяло в сторону и помыться. Произошедшее казалось неправильным: живот Розвита был слишком мягким, бедра – большими и мясистыми. И пахла она как... женщина. Это потрясло его. Хотелось пить, но если сейчас он встанет и подойдет к графину, Розвита поймет, что он не спит.

Лежащая рядом Розвита тихонько всхлипнула и шмыгнула носом. Потом перевернулась на другой бок, и по ее резким движениям Франц понял, что она пытается его разбудить. Он едва слышно вздохнул и посмотрел на жену. Та лежала на боку, одеяло у нее на задуге натянулось. И когда Розвита успела так растолстеть? Она же не выглядела так раньше? Франц терпеть не мог распустившихся людей. При этом в его присутствии Розвита ела как птичка, отчего Зильта, беспокоясь об ее аппетите, чуть и не силой заставляла Розвиту брать добавку. Зильта всегда поднимала шум из-за того, что Розвита мало ест. Франц знал, что его жена наслаждается вниманием, и обычно говорил что-то вроде: «Мама, оставь ее. Пусть сама решает. С голоду она не умрет». Розвита всегда обиженно смотрела на него, а он невинно улыбался, словно не знал, как действуют на нее такие замечания. Потом Розвита отодвигала от себя тарелку и отказывалась от еды, за что на нее обижалась Герта.

Терпение отца по отношению к невестке тоже было на исходе, путь даже он никогда бы этого не сказал. Как правило, отец просто игнорировал Розвиту, как это предпочитал делать и сам Франц.

Розвита заплакала громче. Неужели она не понимает, что Франц видит ее насквозь? Он не сомневался, что если повернется к ней, то не увидит в ее глазах ни слезинки. Но он поклялся, что никогда не покажет ей свою ненависть. Розвита – дочь Олькерта, и у нее не должно быть причин жаловаться на него. Нет, следует действовать тоньше.

Франц закатил глаза, а потом глубоко вздохнул и сел в постели.

– Розвита? – прошептал он.

Ее сопение немедленно прекратилось.

– Розвита? Дорогая, ты спишь? – Он чуть не рассмеялся. Можно подумать, ее театральные вздохи не слышны на всю округу.

– Да, – раздраженно ответила она, и Франц сжал губы, чтобы не фыркнуть.

– Да? – спросил он, удивленный тем, как ласково прозвучал его голос. – Тогда с кем я разговариваю?

Теперь ей пришлось улыбнуться, это было видно по ее подрагивающей щеке.

– В чем дело, дорогая? – Франц осторожно убрал прядь волос с ее уха. – Я ведь не... причинил тебе боли, правда? – осторожно спросил он.

Франц прекрасно знал, что жесток с ней, что иногда заходит слишком далеко в своей злости по отношению к ней – и ко всему миру. Но он не мог иначе. А Розвита, к счастью, понятия не имела об отношениях между мужчиной и женщиной. Как и полагается девушке ее сословия, Розвита шла под венец в полном неведении о таких вещах, и Францу надлежало просветить ее. Что он и сделал. Но несколько иначе, чем можно было ожидать.

– А теперь скажи, что с тобой, – умоляющим тоном сказал Франц и даже ухитрился поцеловать Розвиту в щеку. Ему даже немного нравилась роль заботливого мужа. «Во мне умер актер», – часто думал он, особенно в последнее время. Но учитывая, что Франц играл половину своей жизни, причем каждый день, неудивительно, что он был искусен в сокрытии своих истинных чувств.

Наконец Розвита повернулась и села. Полог кровати был задернут не до конца, и Франц увидел ее опухшее лицо. Розвита и правда плакала. Ее ночной колпак сполз и висел на волосах. Неудивительно, учитывая, что Франц не сдерживался. Несколько раз ее голова даже стукнулась о спинку кровати, что доставило ему совершенно нелепое удовольствие. В полутьме нос Розвита казался еще больше обычного. «Нет, моя жена далеко не красавица», – подумал Франц, ожидая, когда она наконец ответит. Он посмотрел на ее поджатые губы, на темные волосы над

узким лбом и вынужден был признаться себе, что редко встречал женщину непривлекательнее. Он заслуживает орден за то, что каждую ночь проводит в одной с ней постели.

– Мне было больно, – наконец призналась Розвита, вытирая руками слезы со щек. – Но я знаю, что без этого никак, – добавила она почти вопросительно и бросила на него робкий взгляд.

Франц кивнул.

– Боюсь, дорогая, что так и есть. Женщина не может получать удовольствие во время исполнения супружеского долга. Напротив, ей должно быть неприятно. Так задумал Бог. Плотское наслаждение испытывают только мужчины. Я же давал тебе книгу, в которой все объясняется.

Розвита снова кивнула.

– Знаю. Но Франц... ты уверен, что мы... – Она запнулась. – Что мы все делаем правильно? – добавила она шепотом и тут же испуганно зажмурилась.

Не сдержавшись, Франц рассмеялся. Оказывается, Розвита не полная дура. Конечно, она ни при каких обстоятельствах не должна узнать, что вероятность забеременеть от того, что он с ней вытворяет, примерно равна вероятности вырастить в декабре клубнику. Поймав на себе полный ужаса взгляд жены, Франц опомнился и принялся оправдываться:

– Извини, дорогая. Просто я нахожу твою невинность забавной и очаровательной.

– Я хочу сказать... – Даже в темноте было видно, что Розвита покраснела. – Это так... неприятно. Прошло уже почти два года, а я все никак не беременею. Может... Может, мы делаем что-то не так?

Теперь Франц начинал злиться. Середина ночи, ему, как обычно, предстоит тяжелый рабочий день, он только что выбросил за борт последние остатки гордости, чтобы заставить жену замолчать, а теперь она еще и пристает к нему с такими вопросами.

– Если ты считаешь, что я не выполняю свои супружеские обязанности должным образом, почему бы тебе не спросить своих подруг о том, что они делают со своими мужьями? – холодно спросил он.

Розвита пораженно уставилась на него. Франц прекрасно знал, что она никогда не осмелится на такое, со стыда провалится под землю.

– Уверяю тебя, они не смогут рассказать тебе ничего другого. Только посмеются над твоей наивностью.

– Я не имела в виду... – беспомощно начала было Розвита, но Франц, почувствовав ее неуверенность, быстро перебил жену.

– Довольно легко обвинять в неудачах меня, не так ли? – спросил он ледяным голосом. – Быть может, дело в тебе? Ты об этом не думала?

– Что ты хочешь сказать? – взволнованно выдавила Розвита, удивленная его быстрой сменой настроения.

– Быть может, тебе стоит питаться разумно, а не притворяться за столом, что тебе кусок в горло не лезет, а потом тайком бегать в кондитерскую? – сказал Франц громче необходимого.

Розвита разинула рот и уставилась на него с таким ужасом, что он едва не рассмеялся снова.

– Что? – вздохнула она.

– Думаешь, я дурак? Ты почти ничего не ешь, но продолжаешь набирать вес. Одежда становится тебе мала. Так не должно быть. Ты должна правильно питаться, если хочешь выносить ребенка.

– Я не бегаю тайком в кондитерскую! – пронзительно произнесла Розвита, лишив Франца тех остатков терпения.

– Да что же это такое?! – воскликнул он. – Думаешь, я не хочу завести наследника? Я стараюсь изо всех сил! И ты тоже должна! Мама считает, что ты ешь как птичка, и не может объяснить твою полноту. Может, ты больна? Может, нам стоит сходить к врачу?

У Розвита перехватило дыхание.

– Ты... говорил об этом со своей матерью? – прошептала она в полном ужасе.

– А что мне оставалось делать? – Теперь Франц изображал отчаявшегося человека. – В конце концов, я тоже волнуюсь! Думаешь ты единственная, кто замечает, что что-то не так? Думаешь, я не переживаю из-за того, что женился на женщине, которая не может подарить мне ребенка? Думаешь, я не переживаю из-за того, что если ты не исполнишь свой долг, то наш род прервется? – Возможно, теперь Франц немного переигрывал – но раз уж они говорят об этом, то нужно поднажать как следует. – В любом случае, с твоей стороны было бы неправильно пытаться переложить ответственность на меня. Не беременеет женщина, а виноват мужчина. Да где это слыхано... – Возмущаясь, он ударил по подушке. – В любом случае, мне пора спать. В отличие от тебя утром мне рано вставать и идти на работу. Тем не менее я выполняю свой долг! А потом еще выслушиваю обвинения в своей несостоятельности как супруга. Ты, если хочешь, можешь не спать и на досуге подумать о том, кого винить в нашей неудаче. Спокойной ночи! – прошипел он, перевернулся на другой бок и укрылся одеялом.

Розвита не двигалась. Сначала Франц подумал, что теперь он так разъярен, что не сможет заснуть, но вскоре почувствовал, как на него нахлынуло странное удовлетворение. Как же здорово, что он смог выпустить пар! По крайней мере, теперь у Розвита действительно будет причина для слез. А еще Франц может быть уверен, что она никогда не побежит жаловаться родителям. Она слишком стеснительная. А даже если побежит, то уж точно не станет рассказывать подробности о том, что произошло в супружеской спальне. Поэтому пока можно ни о чем не волноваться. Франц улыбнулся и даже не заметил, как сон овладел им, и он провалился в успокаивающее забытие.

Розвита сидела в постели, широко раскрыв глаза. Она вся дрожала. В животе стоял неприятный ком. Застыв, Розвита прислушивалась к дыханию мужа, которое становилось все более глубоким, и пыталась держать себя в руках, чтобы успокоить свое собственное, которое вырывалось из нее мелкими, сдавленными рыданиями. Зажав рот руками, она сидела и смотрела в темноту. Только убедившись, что Франц заснул, она снова смогла пошевелиться. Тихонько перекинула ноги через край кровати. Потянулась за халатом, натянула его холодными руками и вышла из комнаты. Слова мужа жгли, как удары по коже; Розвита не могла припомнить, чтобы когда-либо раньше испытывала такой стыд. До чего наивна она была! Думала, что никто не заметит, как сильно она поправилась... Что корсет и многочисленные юбки скрывают это. За столом она почти ничего не ела. До чего глупа она была... Окружающие посмеиваются над ней, наверное, весь дом говорит о толстой Розвите, которая не может забеременеть. Как же невыносимо...

Слезы побежали по ее щекам. Розвита крадучись спустилась по лестнице, прошла мимо огромного зеркала, висевшего в зале над камином... а потом остановилась и вернулась к зеркалу, вглядываясь в свое отражение. В зале было темно, но ее уродство бросалось в глаза: красные щеки, покрытые пятнами, опухшие глаза... Розвита никогда не была красавицей, и у нее не было заблуждений на этот счет. Но сегодня она выглядела просто ужасно. Может, оно и к лучшему, что она не может иметь ребенка. Так она не передаст по наследству этот нос, этот низкий лоб, делающий ее похожей на лягушку... Розвита ущипнула себя за щеку и оттянула кожу. Та казалась дряблой и покрытой испариной. Розвита шмыгнула носом, пригладила растрепанные спутанные волосы, которые торчали из-под ночного колпака. Она была похожа на ведьму. Неудивительно, что Франц ее презирает.

Розвита пошла по ледяному полу в сторону кухни. Даже тапочки из кроличьего меха не могли защитить от холода, исходящего от мраморной плитки. Она открыла дверь и с опаской

огляделась, но потом облегченно вздохнула: на кухне было тепло. Вечером Герта по обыкновению положила в камин несколько толстых поленьев, чтобы утром было легче его протопить, и комната не слишком остыла. Пахло хлебом и пирогами. На буфете стояло дрожжевое тесто, поднявшееся за ночь.

Розвита любила кухню. Это было единственное место в доме, где она действительно чувствовала себя как дома. Она спускалась сюда несколько раз в неделю и втайне мечтала о том, чтобы приготовить целый поднос своих любимых блюд и спокойно съесть их за столом, не боясь, что ее обнаружат. Но этого, наверное, никогда не случится. Вместо этого приходится проявлять изобретательность.

Она тихонько подкралась к буфету, с остекленевшими от жадности глазами сняла с крюка колбасу и отрезала себе кусок, достаточно большой, чтобы набить рот, и достаточно маленький, чтобы пропажа не бросалась в глаза. То же самое Розвита проделала с беконом и ветчиной. Жуя, она смотрела в темноту за окном. Она почти не чувствовала вкуса, во рту было горько. Тем не менее она снова подошла к буфету. Кусочек пирога, ломтик хлеба с салом... Розвита ела все подряд, однако перед тем, как взяться за следующее блюдо, убирала на место предыдущее. Никто никогда не спускался сюда ночью: девочки-служанки дорожили каждой минутой сна, которого было у них так мало. Но если однажды Розвиту все-таки поймают, то поймают крохотными ломтиками в руках, а не с целой тарелкой. Она проскользнула в кладовую и один за другим съела кусочек пряного пирога, немного рыбы, оставшейся после ужина, одну холодную картофелину... Отковыряла немного масла и даже отхлебнула бульон из кастрюли, потом окунула палец в банку с медом, облизала и несколько раз сунула его в мешочек с сахаром...

Ее голова была отключена, как всегда во время этого ритуала. Она думала обо всем и ни о чем одновременно, взгляд оставался стеклянным. Она знала, что делает, но в то же время отказывалась думать об этом. Она просто делала то, что требовало от нее тело, почти впад в некий транс.

Закончив, Розвита села за стол, освещенный единственной маленькой свечой, и подперла подбородок руками. Теперь пришел стыд. Обида накатывала на нее волнами, пугая своей силой. Несмотря на то, что на кухне было тепло, Розвита дрожала. У нее кружилась голова. Впрочем, это состояние продлилось недолго.

Она подождала еще минуту, после чего встала, подошла к стоящему в углу ведру с пищевыми отходами, подняла крышку, наклонилась над ним, засунула палец как можно глубже в горло и, отплеываясь и давясь, вырвала то, что сейчас съела. Она снова и снова засовывала пальцы в рот, пока не начала выплевывать только оранжевую желудочную жидкость. Должно быть, последние несколько месяцев Розвита избавлялась не от всего содержимого своего желудка, потому и растолстела. Дрожа, она вытерла слезы с глаз, подошла к плите, взяла деревянную ложку и сунула в ведро, перемешивая рвоту с остатками мусора и пищевых отходов, пока не убедилась, что ничего не видно. Затем вымыла ложку и вернула на место. Подошла к бочонку с пивом и торопливо отхлебнула из черпака, чтобы смыть с языка горький привкус, смахнула с полки крупинки сахара и проверила, плотно ли закрыта крышка банки с медом. После этого задудла свечу, запахнула халат и выскочила из темной кухни.

Порой, лежа в темноте рядом со спящим Генри, Лили бормотала имя Йо. Пыталась вспомнить его лицо. Почти каждую ночь доставала маленькую фигурку, которую вырезал для нее Йо, – единственное осязаемое воспоминание, которое осталось от него. Лили понимала, что теперь существует два Йо – тот Йо, кто был для нее дороже всех на свете, по кому она скучала и кого оставила в Гамбурге, и тот, которым он стал после их расставания. Если однажды они встретятся снова, Йо будет уже не тем человеком, которого Лили когда-то знала. Да и сама она будет уже не той.

Через несколько недель после того, как Лили переехала в Англию, Эмма написала ей письмо, в котором сообщала, что Йо по-прежнему находится в Гамбурге. Судя по слухам, он

активно включился в борьбу за права рабочих. «Ему подходит», – подумала Лили. Йо всегда отличался обостренным чувством справедливости. За последние годы он обрел опыт и уверенность в себе и понял, что нельзя всегда мириться с происходящим. Лили подумала, что, возможно, она тоже сыграла в этом определенную роль, и помогла ему понять, когда лучше отступить, а когда – дать отпор.

Лили тысячу раз представляла себе сцену их встречи, снова и снова проигрывала ее в голове. Порой, сидя за ужином и слушая рассказ Генри о прошедшем дне, видела перед собой лицо Йо и чувствовала запах его кожи. Порой играла с Ханной и представляла, как Йо стоит рядом, наблюдая за ними, и смеется во весь голос, да так, что на щеках появляются ямочки, которые она так любила... Однако Лили понимала, что это – прежний Йо. Сейчас он стал другим человеком – человеком, который отпустил ее, а потом не искал, который никогда не спрашивал ни о ней, ни о своем ребенке, который вычеркнул их из своей жизни... Этого человека она знать не хотела.

Поначалу Лили казалось, словно у нее из груди вырвали сердце. Словно она лишилась половинки души. Всякий раз, когда Лили вычитывала то, что, по ее мнению, могло заинтересовать Йо, она поднимала глаза, чтобы рассказать ему о прочитанном, и обнаруживала, что рядом никого нет. Всякий раз, когда Лили сталкивалась с событиями, которые ее огорчали, она умирала от желания поговорить с Йо, услышать его ободряющие слова, его мнение, которое зачастую удивляло и могло изменить ее отношение к происходящему. Йо понимал Лили как никто другой. А она понимала его.

Но потом случилось то, что она до сих пор не может осознать. Поехать в Англию и выйти замуж за Генри было самой большой ошибкой в ее жизни. Теперь она это знала. Надо отдать Францу должное: инсценировать смерть Михеля было умным ходом. К тому же не существовало другой возможности уберечь Ханну... Поэтому Лили сделала то, что считала правильным.

Теперь, когда Лили обрела уверенность в своих силах, она смотрела на вещи иначе. Она думала, что справилась бы, даже если бы осталась в Гамбурге. У нее были подруги – умные, сильные женщины, которые бы ей помогли. У нее были знания. Лили могла работать не жалея сил. Она бы как-нибудь справилась, смогла бы обеспечить и себя, и ребенка. Но ее решение было необратимым: она вышла замуж. Теперь Ханна принадлежит Генри. Как и сама Лили.

Лицо Йо возникало в ночной темноте, порой настолько реальное, что Лили протягивала руку, чтобы дотронуться до него... но оно расплывалось. Казалось, что воспоминания сотканы из воздуха и растворяются, не успев собраться воедино...

Лишь во снах Йо по-прежнему был рядом, являясь ей почти каждую ночь. Лили искала его по городу, бегала по гавани, отчаянно выкрикивая его имя... В этих снах ее торопили, подгоняли, она чувствовала напряжение каждой клеточкой своего тела. Лили знала, что Йо где-то там, в переулках и подворотнях. Но город прятал его, скрывая, словно тоже чувствовал себя преданным. Йо всегда был где-то рядом, и в то же время – недостижим. Его присутствие можно было сравнить с витающим в воздухе запахом, с теплой простыней, с которой только что встали, с эхом только что умолкнувшего голоса... Порой Лили видела Йо вдалеке. Знала, что он ждет за следующим углом, и за следующим, и за следующим...

В такие ночи она беспокойно ворочалась в постели, скрипела зубами, сбрасывала с себя одеяло. Генри нетерпеливо будил ее. «Ты разговаривала во сне», – шипел он, больно трясая Лили за плечо. Потом сердито вскакивал и выходил из комнаты. Лили казалось, что она вот-вот заплачет, горло судорожно сжималось, она с трудом могла дышать.

Самым страшным было проснуться, не найдя Йо. Порой он прятался от нее нарочно. Эти сны были самыми страшными. Сны, в которых Лили знала, что Йо не хочет, чтобы она его находила.

Но иногда... иногда ей снилось, что все стало как прежде. Снилось, что они с Йо вернулись в маленькую квартиру в Фюлентвите, сидят у камина, читают и разговаривают. Или

лежат в постели, занимаясь любовью. Такие сны помогали Лили жить дальше, помогали переносить одиночество, гнев Генри, унижения, которым он ее подвергал...

Первое время Лили была уверена, что не выдержит, но она оказалась сильнее, чем думала. Она сделала то, что делала всю свою жизнь: нашла спасение в книгах. Как герои романов побеждали свою душевную боль? Чем заканчивались их истории?

Мадам Бовари выпила яд. Хитклиф ожесточился. Только Джейн Эйр подарила Лили немного надежды, но через какие страдания пришлось пройти им с Рочестером, прежде чем они обрели счастье? Элизабет и мистер Дарси в конце концов нашли свою любовь, как и Эдмунд с Фанни. Но от этих историй остался привкус затхлости. «Они совсем не реалистичные», – сердито думала Лили, закрывая книги и пряча подальше. Ей казалось, что эти романы в первую очередь предназначались для удовлетворения страстных сердец читательниц и заканчивались не так, как того требовали правила общества. Они не утешали ее, а оставляли обманутой.

Поэтому вскоре она оставила любовные романы там, куда сама и засунула, и вместо них читала «Остров сокровищ», отправлялась в приключения на борту «Испаньолы» с Джимом Хокинсом, сражалась вместе с Алисой против Червонной Королевы, оплакивала умирающего дядю Тома... Она знала: такая любовь, какая была у них с Йо, случается нечасто. Возможно, всего раз в жизни. То, что люди из таких разных миров нашли друг друга... Это почти чудо. Пусть даже теперь у Лили была Ханна, она все равно одинока. Оторвана ото всех.

При мысли о дочери взгляд Лили, который смягчился, пока она сидела в салоне и смотрела на огонь, предаваясь воспоминаниям, снова стал жестким. Да, Лили бы справилась, осталась она в Гамбурге. Она села прямо, провела рукой по волосам. Впрочем, теперь у нее новая жизнь, которая защищает Ханну, позволяя ей расти в безопасности и достатке. Лили с Йо никогда не смогут быть вместе. Пора бы с этим смириться.

И все же Лили ничего не могла с собой поделать – мысль о том, что однажды они снова встретятся, была для нее лучиком надежды, который помогал выносить все невзгоды.

Лили взяла в руки Овидия, но через несколько секунд снова отложила в сторону, полезла под диванную подушку и достала другую книгу, которую сама же там и спрятала. Прислушалась, пытаясь понять, нет ли поблизости Мэри или Конни, а затем начала читать. Приключенческие романы были не единственным, что было у Лили на уме.

Лили затаила дыхание. Изучая библиотеку, она нашла серию книг, которые с тех пор тайно читала: эротическую литературу. Целый ряд полок был посвящен этому виду развлечений. После своего открытия Лили стала проводить в кресле у камина даже больше времени, чем обычно. Книги подсказывали ей, что она не одинока в своих желаниях. Эмма снова и снова уверяла ее, что женщина не должна стыдиться того, что находит удовольствие в таких вещах, но для Лили все было не так просто. Она выросла в мире, где физической любви просто не существовало. Поэтому впоследствии та всегда казалась ей чем-то запретным. И, строго говоря, так оно и было. В конце концов, в учебниках говорилось, что женщины не должны испытывать похоть, что грешно думать о ней. С Йо Лили не могла не наслаждаться любовью, однако во время своего брака поняла: акт между мужчиной и женщиной может быть и совсем другим – болезненным, унижительным, постыдным. И узнала, что у тела есть своя воля, не всегда подвластная разуму: иногда в темноте Лили забывала о том, что ненавидит Генри, и позволяла себе увлечься, наслаждалась прикосновением его губ к своей коже, наслаждалась ощущением его тела, прижимающегося к ее, и позже презирала себя за это.

Любовь и похоть оказались связаны не так сильно, как Лили предполагала. Эмма и раньше пыталась ей это объяснить. Большинство любовных романов были написаны анонимно, в них люди вытворяли самые странные, причудливые, захватывающие, а иногда и ужасные вещи. Книга, которую Лили сейчас держала в руках, была не похожа ни на что, что она когда-либо читала. Ее щеки пылали. «Грехи городов равнины» был поистине скандальным произ-

ведением. Лили слышала, что некоторые мужчины желают других мужчин, даже любят их. Это считалось преступлением, но в книге описывалось как нечто естественное. Что-то, чего не выбирают, но что, тем не менее, презирается обществом. Разве можно осуждать человека за то, каким он родился?

Лили была настолько поглощена своими размышлениями, что даже не заметила, как вошла Мэри.

Вдруг она услышала испуганный вздох.

– Миссис фон Каппельн! – Мэри стояла позади нее, расширенными от ужаса глазами глядя на книгу в руках Лили.

Лили вздрогнула.

– Мэри... Я не слышала, как ты вошла, – заикаясь, пролепетала она и прижала книгу к груди, но так растерялась, что книга выскользнула у нее из рук и упала на ковер перед Мэри.

Экономка медленно наклонилась и подняла книгу. Скользнула по ней взглядом и уставилась на Лили, которая стремительно покраснела.

– Я... – начала она, но Мэри прервала ее.

– Миссис фон Каппельн, такие вещи греховны!

Лили быстро закивала. Нельзя допустить, чтобы Мэри рассказала об этом Генри.

– Я нашла книгу в библиотеке... – заикаясь, проговорила она. – Я не знала, о чем там написано, просто начала листать, а потом...

Внезапно выражение лица Мэри стало сочувствующим.

– Отвратительно. Этой мерзости не место в благородном доме! Не знаю, чью библиотеку приобрел мистер фон Каппельн, но это был явно больной человек.

Лили машинально кивнула. Мэри протянула руку, и она передала ей книгу, как маленький ребенок, которого поймали на воровстве.

– Лучше избавиться от нее сейчас, пока не пошли пересуды, – сказала Мэри, заговорщически приподняв брови, подошла к камину и бросила книгу в огонь.

Глава 4

Поначалу он разговаривал с ней. Часами сидел и рассказывал все, что пережил за последние несколько лет. Засыпал, глядя на ее лицо, а проснувшись, машинально смотрел на нее, чтобы убедиться: она все еще там. Поначалу Чарли думал, что счастлив. Теперь он больше не одинок. Пусть даже ее нет рядом.

В какой-то момент он начал злиться. Злиться на то, что Клэр не отвечает. Что только смотрит на него, немая, укоризненная, прекрасная. Что вернулась к нему, но не по-настоящему, что теперь она у него в голове, у него в сердце, что он не может думать ни о чем другом и в то же время знает, что назад дороги нет. Он больше никогда не сможет дотронуться до него – лишь до этого клочка бумаги. И теперь ему предстоит заново пережить всю боль потери.

Образ Клэр преследовал Чарли, куда бы он ни пошел. Работая, он видел ее перед внутренним взором, а по дороге домой ускорял шаг, подгоняемый мыслями о ней. Впрочем, перед самым подъездом его иногда одолевал страх. У двери он останавливался и мешкал, прежде чем повернуть ключ в замке. Он не знал, чего именно боится – то ли не найти ее снова, то ли увидеть ее. Было в этом рисунке что-то, что пробирало его до самых костей.

Дело было даже не в том, что женщина на рисунке выглядела в точности как Клэр. Это была Клэр... и все же не Клэр. Иногда Чарли казалось, что кто-то наложил поверх ее лица лицо другой женщины и они слились, стали одним целым, но при этом постоянно пытались отделиться друг от друга. Рисунок стоял на маленьком умывальнике и смотрел на него. Взгляд женщины следовал за ним по комнате. Время от времени ему казалось, что краем глаза он видит ее движение. Но когда он оборачивался, она была молчалива и неподвижна. Запертая на бумаге. Прекрасная и ужасная одновременно. Клэр и в то же время не Клэр.

Вскоре она стала преследовать его во снах. Когда лунный свет косо падал в окно, порой казалось, что черты ее лица меняются, а взгляд искажается от гнева. Чарли не раз просыпался с криком и в поту от того, что во сне видел, как она склоняется над ним. У Клэр из сна было лицо другой женщины с пустыми глазницами, а улыбка превращалась в злобную гримасу, женщина кричала, спрашивала, почему он позволил ей умереть. Почему не спас ее.

– Я не мог! – кричал Чарли, просыпаясь от слез, текущих по лицу.

Он начал проклинать этот рисунок и в конце концов начал его бояться. Однако все равно смотрел на него каждый день. Теперь Чарли проводил ночи вне дома, работая лишь для того, чтобы хватило на очередную трубку опиума. Но даже тогда он не находил покоя. Лежа среди других наркоманов, в синих клубах дыма на потолке он видел лицо Клэр. Он знал, что должен уничтожить рисунок, если хочет жить дальше. И знал, что никогда не сможет этого сделать.

– Эй, Квинн!

Чарли резко повернул голову.

– Какого черта ему нужно? – процедил он сквозь зубы, увидев направляющегося к нему человека. Сделав вид, что ничего не услышал, Чарли перевел взгляд на грязный пол и угрюмо перекатил сигарету из правого уголка рта в левый. Он драил палубу, удаляя остатки последнего улова. На рыбацких судах это было особенно неблагоприятным занятием: вонь стояла ужасная. По крайней мере, сейчас зима. Летом, когда рыба гниет, рабочие то и дело перегибаются через поручень, чтобы вырвать за борт.

– Эй, Квинн, двигай сюда! – Чарли молча кивнул и бросил метлу в кучу раздавленных креветок.

Бреннер, один из старшин порта, стоял на причале и махал ему рукой:

– У меня есть для тебя работенка!

– У меня уже есть работенка, – проворчал Чарли, подходя ближе. – Я пас.

– Сначала послушай, – проговорил Бреннер.

Пять минут спустя Чарли в недоумении покачал головой.

– Я должен что сделать?

– Погрузиться на дно, – бесстрастно ответил Бреннер и тоже прикурил. – Послушай, все очень просто. Вчера кто-то уронил в воду ящик с очень дорогим оборудованием. Конечно, для таких дел у нас есть профессиональные водолазы... Но их всего трое – и это на всю гребаную гавань! Двое дежурят в Шпайхерштадте, им приходится целый день работать на шлюзах, с третьим на прошлой неделе произошел несчастный случай, и он... выбыл из строя. Можно было бы обратиться в одну из частных водолазных компаний, но они дерут сумасшедшие деньги.

– Что за несчастный случай? – спросил Чарли, но Бреннер отмахнулся от него.

– Да так, ерунда. Не забивай себе голову. Конечно, обычно мы задействуем только профессионалов, но тебе не придется ничего чинить. Просто обвяжи веревку вокруг ящика, другой ее конец прикрепи к лебедке и можешь всплывать.

– Но... почему я? – изумленно спросил Чарли.

Бреннер смерил его взглядом.

– Потому что больше никто не берется, – признал он, пожав плечами, и глубоко затянулся сигаретой. – Все боятся. Я могу их понять. Не лезу под воду ни за какие коврижки. Но ты берешься за любую работу. Тебе на все плевать. Кроме того, мне нужен кто-то сильный, кто сможет поднять ящик. Что скажешь? Получишь надбавку к своему сегодняшнему жалованью. Уж лучше я заплачу тебе, чем этим обдиралам из водолазной компании.

Чарли изучающе посмотрел на Бреннера, потом повернулся и скользнул взглядом по темным водам Эльбы. Река была зелено-черной, ни один луч света не проникал в ее глубины. Чарли почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Были веские причины, по которым он никогда не записывался в моряки. Глубокие воды всегда вызывали у него трепетный страх.

Чарли покачал головой.

– Как глубоко нужно нырнуть? – спросил он на всякий случай.

– Не очень глубоко. Метров на пять или около того. Ты легко справишься. Там, наверное, даже не очень темно, – заверил его Бреннер. – Дело-то плевое. Иначе я бы не стал тебя просить. К счастью, на прошлой неделе лед растаял. Ты будешь дышать через шланг, здесь будут люди из насосной станции, если что-то пойдет не так, тебя сразу же поднимут наверх.

Чарли уже собирался сказать «Нет. Не может быть и речи», но потом подумал о Клэр. На обещанные деньги он сможет провести по меньшей мере пять ночей в сладком забытье.

Он посмотрел на Бреннера и скрестил руки на груди.

– Значит, все остальные отказались? – уточнил он, и Бреннер радостно кивнул в ожидании согласия.

– Верно.

– Я возьмусь, – решил Чарли, – если заплатишь мне трехдневное жалованье. А еще я хочу, чтобы ты дал мне нормальную работу. Надоела эта вонь.

Бреннер скривился, и на мгновение Чарли подумал, что перестарался. Но потом Бреннер протянул ему руку.

– Черт, согласен.

Они ударили по рукам.

– Осталось засунуть тебя в водолазный костюм. К счастью, водолаз, который погиб, тоже не был карликом...

– Подожди-ка. Погиб? Я думал, ты сказал...

Но Бреннер уже пошел прочь и только пренебрежительно махнул рукой.

– Заканчивай свои дела и приходи в четвертый зал! – крикнул он, ступая так тяжело, что под его шагами закачался мост.

Над голыми кустами роз в саду имения Карстен висела пелена вечернего тумана. Шла противная морось, в воздухе пахло дождем и мокрыми листьями. На коричневом фоне живых изгородей блестели плоды шиповника, в костлявых ветвях деревьев висело несколько сморщенных яблок, как забытые воспоминания о лете. Близился закат. Зильта стояла на террасе, наслаждалась последним дыханием зимы, и представляла, как будет выглядеть сад, когда наконец-то потеплеет: представляла, как в реке будет отражаться солнце, представляла беседку, заросшую густыми глициниями...

Представляла, как Михель с Лили устроятся на белом одеяле в окружении книг и игрушек... Зильта на мгновение закрыла глаза.

Нет, этого больше никогда не случится. Те времена потеряны навсегда. И Отто, маленький внук, на которого Зильта возлагала столько надежд, никогда не появится в ее доме.

Зильта мысленно вернулась в прошлое. Она почти слышала смех своих детей, их разговоры. Разве это не голос Лили доносится сквозь туман? Разве не Михель только что попросил сестру поиграть с ним в мяч?

– Так и заболеть недолго! – Герта с обеспокоенным видом вышла на террасу и зябко передернула плечами.

Зильта вздохнула и с восторженной улыбкой повернулась к кухарке.

– Я просто хотела насладиться запахом сада, – объяснила она. – Мне нравится воздух после зимы. Мох чудесно пахнет, верно?

Герта окинула ее удивленным взглядом.

– Я предпочитаю запах своих горячих булочек, – прагматично ответила она, с тревогой глядя на Зильту, словно сомневаясь в том, что ее хозяйка сейчас в здравом уме. – Они уже готовы, и я хотела спросить, куда их вам подать?

Зильта тихонько вздохнула.

– Я не люблю есть в одиночестве...

Герта удивленно приподняла брови.

– Разве фрау Розвита не спустится?

Зильта покачала головой.

– Розвита сегодня не в духе. Она прилегла. Ее нельзя винить, этот туман, каким бы красивым он ни был, действует угнетающе, – сказала она, глядя на сад.

– В таком случае разрешите подать чай в салон?

После скандала с Лили репутация семьи до сих пор не восстановилась. Подумать только – незамужняя дочь, которая жила одна, шлялась по городу и работала, как мужчина! Зильту осуждали и порицали. Вычеркнули из «приличного общества», пусть даже никто не говорил об этом вслух. В хорошие времена дом Карлтонов всегда полнился смехом и разговорами, почти каждый день кто-то приезжал на чай или ужин, вдоль всей подъездной аллеи стояли кареты... Зильта устраивала салоны и игровые вечера, проводила чтения, заседания женского клуба и летние вечеринки. Здесь пели, танцевали, декламировали стихи... Прежде они с Альфредом были неотъемлемой частью гамбургской элиты.

Со временем их снова начали принимать в высших кругах, однако гости стали редкостью. Большую часть дня Зильта проводила в салоне в одиночестве. В последние годы она частенько думала о том, что совсем захлахла бы, не будь с ней Эммы и Герды. Оглядываясь по сторонам, Зильта порой вспоминала богатые вечеринки, запах множества свечей и духов, смешивающийся с голосами и смехом... Но в глубине души ей было все равно. У нее больше не возникало желания вести так называемую «светскую жизнь». С годами Зильта поняла, что популярность в высших кругах не сделает ее счастливой, да и в любом случае, жизнь в этих «высших кругах» была пустой и бессмысленной. Однако Зильта все равно чувствовала себя одинокой.

Она кивнула.

– Хорошо. Где сказано, что нельзя наслаждаться горячими булочками без компании? – спросила она, и женщины вернулись в дом.

– Когда вернутся ваши подруги, фрау Уилсон и фрау Линдманн? – спросила Герта. – Обе отличаются прекрасным аппетитом!

Зильта улыбнулась.

– Сейчас они очень заняты: женский приют готовится принять своих первых посетительниц. Герда с головой окунулась в работу. Я бы, конечно, помогла, – объяснила она немного грустно, – если бы только Альфред позволил мне.

– Уверена, так будет лучше. Не пристало вам заниматься такими делами, – ворчливо произнесла Герта. – Кто знает, с каким сбродом вам пришлось бы там столкнуться?

– Герта! – Зильта рассмеялась, слегка удивленная услышанным.

Кухарка поджала губы.

– Что будет, если все милостивые женщины начнут заботиться о бедных и больных? В конце концов, для того и существует прислуга. Не хватало, чтобы вы чем-нибудь заразились.

Зильта вздохнула:

– На что мне еще тратить свое время? От меня никакого толку: дети разъехались, домом занимаются слуги... Мне нечем заняться.

Герта потрясенно уставилась на свою хозяйку.

– Фрау Карстен! Что вы такое говорите! – воскликнула она. – Вы – сердце дома! Без вас мы бы все пропали!

– Неужели? – Зильта разгладила свои юбки и села у камина. – Спасибо, Герта, это очень мило с вашей стороны. Но я ничего не делаю, только и сижу в салоне.

Глаза Герты стали большими, как блюдца.

– Фрау Карстен! – задышавшись от возмущения, произнесла она, но Зильта отмахнулась от нее.

– Я просто думаю вслух, – объяснила она, увидев, что кухарка не в состоянии понять ход ее мыслей, которые, похоже, совершенно противоречат ее мировоззрению. – Не могли бы вы принести мне булочки? Они чудесно пахнут!

Зильта (как и Лили всего несколькими годами ранее) обнаружила, что книги служат не только развлечением и помогают скоротать долгие зимние вечера, но также могут полностью изменить человека – встряхнуть, заставить пересмотреть собственную жизнь и увидеть то, чего раньше не видел.

Около года назад Зильта, мучимая бессонницей, стала приходить в комнаты своих детей, которых потеряла. Подолгу сидела на кровати Михеля, рассматривая его детские рисунки, висящие на стене, его оловянных солдатиков, которые стояли на серванте. Потом шла в комнату Лили, проводила пальцами по письменному столу, доставала с полки несколько романов и пролистывала их, шла на балкон и глядела на темные блестящие воды Альстера, пытаясь понять: когда ее прекрасная, спокойная жизнь приняла такой ужасный оборот? Зильта чувствовала себя призраком. Безмолвный дом окружал ее предательским коконом смутных воспоминаний. В эти ночи прошлое и настоящее словно пересекались. Все было таким, как всегда... и в то же время по-другому.

Она скучала даже по Китти. Кто бы мог подумать, что такое возможно? Свекровь, как поняла Зильта после ее смерти, была хранительницей порядка и блюстительницей нравов. Зильта недооценила ее влияние. Она была уверена, что многое сложилось бы иначе, будь Китти жива. Частичка старого мира, которая их поддерживала, умерла вместе с ней. Общество менялось. И семья Карлтон не могла противостоять этим переменам.

Однажды Зильта получила от Лили длинное письмо, которое напомнив о былом, заставило ее скучать по дочери с новой силой. Как это частенько бывало, ночью Зильту потянуло наверх, в комнату Лили. Когда она повернула дверную ручку, ей на мгновение показалось, что

из-за двери слышится голос Лили, ее смех, чувствуется едва уловимый запах духов... Но когда Зильта распахнула дверь, в комнате было как всегда темно и пустынно, а мебель, накрытая белыми простынями, в бледном лунном свете казалась призраком. Зильта понимала: это отголоски прошлого не дают ей покоя. Возможно, еще долгие годы, открыв дверь, она будет ожидать знакомых образов и запахов. Той ночью Зильта долго сидела на кровати, глядя перед собой и почти погрузившись в некий транс. В какой-то момент ее взгляд остановился на коробках, которые горничные поставили рядом со шкафом.

На следующий день Эмма с Гердой нашли Зильту в маленьком салоне, окруженную листовками, журналами и книгами. Она была взволнована, ее щеки пылали. Она и помыслить не могла, что кто-то осмелится сказать нечто подобное – не то что записать! Эти писательницы были так откровенны, так бесстыдны. А их требования? А то, в каком тоне они писали о таких, как Зильта? С каким презрением отзывались об их бессмысленных жизнях...

Зильта возмущалась, снова и снова качала головой, невольно прищелкивая языком во время чтения. Но в какой-то момент, к своему удивлению, она поняла, что испытывает нечто похожее на стыд. Это была правда. Все, что она прочитала, было правдой. О том, как мало женщины, подобные ей, делают для блага общества, жизни, бытовых вещей... Всего.

О том, что они, по сути, совершенно лишние.

Дочитав, Зильта согласилась помочь Герде и Эмме с женским приютом – причем с куда большим энтузиазмом, чем сама ожидала. Зильта разом почувствовала бессмысленность своей жизни. Что она сегодня сделала? Оделась, съела поданный ей завтрак, переоделась с помощью Лизы, обсудила с Агнес предстоящую стирку, снова переоделась, пообедала с Францем и Розвитой и немного отдохнула. Она спала, ела, думала. Больше ничего. До чего же стыдно... Раньше Зильта была матерью, но теперь и эту роль перестала выполнять.

Герта принесла из кухни серебряный поднос с горячими сладкими булочками и поставила его перед Зильтой. Ловко разрезала одну из них, намазала обычным кремом из масла, сахара и корицы.

Зильта, которая уставилась перед собой остекленевшим взглядом, улыбнулась:

– Спасибо, Герта.

Кухарка умоляюще посмотрела на хозяйку и явно не собиралась уходить, поэтому Зильта откусила кусочек.

– Очень вкусно! – заверила она, хотя крем ей совсем не понравился. – Сегодня на ужин жареная рыба?

Герта кивнула:

– Лиза уже приготовила горчичный соус.

– Замечательно! – Зильта положила булочку обратно на тарелку. – На днях нужно будет приготовить суп из угря с мучными клецками. Альфред так его любит! В последнее время он столько работает... Доктор Зельцер все повторяет, что ему нужно побережиться, но куда там... – Она говорила и говорила, внезапно испугавшись, что стоит Герте уйти, как ее снова окутает тишина салона. Зильте захотелось попросить кухарку сесть рядом и составить ей компанию, но это было бы слишком. – Недавно я думала о прекрасных красных фруктах, которые нам довелось попробовать тем летом. Как они назывались?

– Томаты, – ответила Герта. – Не понимаю, что в них такого прекрасного. На вкус – сплошная вода.

– Неправда! – воскликнула Зильта с улыбкой. – Они были очень сладкими и вкусными. Как бы то ни было, надеюсь, в этом году мы снова их купим. Нужно сказать Альфреду, чтобы он не забыл об этом, когда придет корабль из Италии.

– Даже не знаю, что из них можно приготовить. Но у вас гораздо более изысканный вкус, – всерьез сказала Герта.

Зильта моргнула. Она хотела было ответить, упрекнуть Герту за такие слова, но потом поняла, что это бесполезно. Бытовало устоявшееся мнение о том, что существуют биологические особенности, отличающие господ от слуг. «Быть, может, – подумала Зильта и откусила кусочек булочки, поскольку взгляд Герты снова замер на почти нетронутой тарелке, – быть может, куда легче смириться с обстоятельствами, если убедить себя в том, что жизнь строится в соответствии с неким существующим порядком».

– Ладно, посмотрим, – сказала она, подумав.

Герта откашлялась.

– Фрау Карстен... Прошу извинить мне мое любопытство, но я не могу не спросить... Что с ними стало? С Зедой и малышом Отто? – Кухарка с беспокойством посмотрела на нее.

Зильта сложила руки на коленях.

– К сожалению, у нас плохие новости, Герта. Отто отдали на усыновление. У него теперь новая семья, он живет где-то за границей. Герр Науманн не смог его найти. Женщина, которая нашла ему новую семью, боится за свою репутацию и отказывается сообщить его местонахождение.

Герта схватилась за сердце.

– Господи боже! – прошептала она.

Зильта с горечью кивнула. И вдруг услышала, как сама говорит:

– Но я схожу к ней лично и предложу цену, от которой она не сможет отказаться. Я найду его, Герта. Я просто обязана его найти! – До этой секунды Зильта не собиралась этого делать. Но так будет правильно. Ей надоело плыть по течению, надоело быть игрушкой в руках жизни.

Кухарка смотрела на нее во все глаза. Зильта ожидала, что Герта посоветует оставить все как есть, скажет, что такая дама, как она, не должна заниматься такими вещами...

Но Герта сказала:

– Зеда всегда была славной девушкой.

На секунду Герта посмотрела Зильте в глаза, а потом опустила взгляд.

– Я должна вернуться к рыбе. – Она глубоко вздохнула, сделала книксен и собралась было покинуть комнату.

– Вы же понимаете, что мой муж и сын пока не должны знать о моих планах? – спросила Зильта.

Герта замерла.

– Вы можете на меня положиться, фрау Карстен, – помолчав, серьезно произнесла она, и Зильта поняла, что так оно и есть.

Она проводила Герту взглядом, пока за ней не закрылась дверь. Потом пододвинула к себе тарелку с булочками. Внезапно у нее проснулся аппетит.

– Ты похож на снеговика, Квинн! Тебе идет.

– Модное бельишко, скажи? – усмехнулся Чарли.

Он стоял в белом шерстяном белье и с безразличием слушал насмешки. По знаку сигнальщика Чарли принялся надевать лежащий на земле водолазный костюм.

– А теперь натянем эту штуковину до колен! Посмотрим, налезет ли на тебя резиновый воротник.

Чарли сделал, как было сказано. Его окружили четверо мужчин из команды водолазов, которые дружно подтянули костюм ему до уровня груди и закрепили воротник.

– Впритык, – проворчал Бернхард, сигнальщик, и поднял странный чугунный инструмент. – Не волнуйся, я тебя не задену. Это растяжка для манжет. Я использую ее, чтобы растягивать рукава, – объяснил он. – Ты будешь крепче остальных наших водолазов. – Наконец удовлетворившись тем, как сидит костюм, Бернхард сказал: – Сойдет. В любой другой раз я бы не дал добро, но сегодня погружение неглубокое.

Кивнув, Чарли шагнул в чугунные ботинки, которые уже стояли наготове. Он чуть не упал: не ожидал, что ботинки окажутся такими тяжелыми и останутся на месте, когда он попытается пошевелить ногой.

– Осторожней, каждый весит по восемь килограммов, – предупредил Бернхард и криво усмехнулся. Похоже, у предыдущего водолаза были огромные ноги – ботинки казались очень широкими. «Что ж, – подумал Чарли, – зато обойдусь без мозолей».

Мужчины обвязали его ноги кожаными ремнями, чтобы прикрепить обувь к костюму, после чего подошли к нему с огромным темным шлемом. Чарли почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Если бы его не окружала толпа зевак, он бы пошел на попятную.

– Вот сопло для подачи воздуха, – объяснил Бернхард. – Мы присоединим к нему шланг. А здесь, слева, воздух выходит из шлема. Выпускной клапан управляется головой, это очень просто. Только не выпускай слишком много воздуха, а не то вода попадет внутрь.

– Ну, большое спасибо! – прорычал Чарли. Ему стало плохо.

– Не волнуйся, Квинн, здесь неглубоко. Это детская забава.

– Если что-то, дерни за сигнальный трос, и мы тебя поднимем. Все будет нормально!

– А насколько глубоко опустился бывший владелец этого костюма? – спросил Чарли.

Все вокруг принялись отводить глаза.

– Глубже, чем ты, – пробасил сигнальщик, и мужчины подняли шлем и надели его на Чарли. Он был таким высоким, что им пришлось встать на цыпочки. Вокруг все потемнело, в ноздри ударил едкий запах. Чарли боролся с нарастающей паникой.

– Ты там в порядке? – Бернхард постучал по смотровому окошку.

Чарли вздрогнул и поднял большой палец. Ему хотелось крикнуть, чтобы его немедленно освободили. Мужчины тем временем начали прикручивать шлем к костюму. Теперь стало жарко, хотя на улице было очень холодно. Чарли почувствовал себя в ловушке, все тело начало покалывать.

– Теперь водолазные утяжелители. Нужно закрепить их на спине и груди одновременно, иначе шлем выбьет и отполирует тебе морду, – засмеялся Бернхард.

Чарли хмыкнул и почувствовал, как ему на плечи надевают тяже-ленные железные гири.

– Черт, сколько же они весят? – крикнул он.

– Около девятнадцати килограммов каждый! Теперь закрепляем паховый ремень между ног...

– Эй, поосторожнее там! – закричал Чарли, испугавшись, когда ремень, соединяющий две гири вместе, протянули между его ног и натянули. – Вы что, кастрировать меня собрались? Мужчины рассмеялись.

– Поверь, я и сам не в восторге от происходящего, – усмехнулся Бернхард. – Но мы скоро закончим, потерпи.

– Чарльз! Ты что, серьезно?! – Йо появился словно из ниоткуда и стеной встал перед ним.

– Черт, – промычал Чарли в шлем.

– Ты не должен этого делать!

– Все нормально, – ответил он беззаботно и сам удивился тому, как уверенно прозвучал его голос. Из-за шлема он звучал с небольшим эхо.

– Ничего?! Ты и так еле дышишь! – сердито крикнул Йо и повернулся к сигнальщику. – У него проблемы с легкими. Его нельзя туда спускать.

Это правда: несколько лет назад Чарли жил в только что построенном доме, стены которого высохли не до конца, и подхватил воспаление легких. С тех пор ему трудно дышать, особенно зимой. Еще одна причина, по которой ему следует держаться подальше от опиума.

– Йо, не лезь! – крикнул Чарли, но Йо не обратил на него внимания.

– Это безответственно! – бушевал он. – Бреннер не должен был просить его.

– Ну... Чарли говорит, что в порядке. – Бернхард задумчиво почесал затылок. – Я просто делаю свою работу. Куинн, наверное, сам знает, на что идет?

– Вот именно. Это мое дело, Болтен! – взревел Чарли. – Не лезь.

– Ты спятил! Неужто хочешь подохнуть, как жалкая канализационная крыса? – Желваки у Йо на щеках дернулись. Чарли видел, что он вот-вот сорвется.

– Все не так уж страшно, – успокаивающе сказал один из мужчин. – Он пробудет под водой совсем недолго. Если хотите, можете остаться и посмотреть.

– Останусь, не сомневайтесь! – Йо покачал головой. – Не знаю, что с тобой творится, – прошипел он Чарли. – В последнее время ты ведешь себя еще более странно, чем обычно!

– Успокойся уже, – только и ответил Чарли. – Будет забавно, вот увидишь!

Жаль, что сам Чарли был в этом не столь уверен. Но теперь, когда Йо здесь, отступить нельзя. Йо – его лучший друг, но Чарли не хотел потерять перед ним свое лицо. Снова.

– «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры»... – Изабель стукнула чашкой по столу. Она читала вслух плакат, призывающий к отмене антисоциалистического закона. На плакате стояла фотография Маркса. Изабель посмотрела на него. – Какие верные слова!

Марта отпила глоток кофе и улыбнулась в чашку.

– Ну, может быть, не всякого богатства...

– Конечно нет! – Голубые глаза Изабель сверкнули сталью.

Эмма переводила взгляд с нее на Марту. Воздух потрескивал.

– Но если у тебя ничего нет, если тебе нельзя работать, нельзя бастовать за повышение заработной платы или за равную оплату труда, или за продолжительность смены, которая не убьет тебя за десяток лет, тогда все средства хороши! Пока эти ужасные законы запрещают выходить на улицы, у нас нет шансов.

Марта кивнула, и темные локоны упали ей на лицо.

– Не понимаю, почему ты так сердишься. Мы ведь согласны.

Изабель сразу же успокоилась, и уголок ее рта примирительно дернулся.

– Ну да.

Эмма улыбнулась. За последние несколько лет ее небольшой круг соратниц сильно сократился. Теперь их осталось всего трое. Но это означало лишь то, что они с Мартой и Изабель еще более горячо поддерживали пролетарское женское движение. Теперь им приходилось бороться и за других, которые вышли замуж или, как Луиза, уехали. Иногда эта страсть кипела так сильно, что заканчивалась ссорами – но только потому, что они были ограничены в своих возможностях, у них было так много планов, которые им не позволяли осуществить. Изабель порой напоминала Эмме тигра в клетке – в ней было столько энергии и желания бороться, но она не могла их реализовать. Она стала еще красивее, ее светлые волосы сияли на фоне ее щек. На улице прохожие оборачивались ей вслед, но она думала только о деле.

Изабель с Мартой жили вместе в маленькой каморке в Шанценфиртеле. Марте пришлось отказаться от своей квартиры, а Изабель потеряла свою, когда хозяева узнали, что она незамужняя – и, ко всему прочему, социалистка. Это было еще одной причиной, по которой девушки постоянно ссорились по пустякам: они слишком много времени проводили вместе. Да и денег у них не было. Изабель работала учительницей в гимназии «Иоганнеум», но ее работа постоянно находилась под угрозой. Если бы о ее взглядах стало известно, она была бы немедленно уволена. Все, что она зарабатывала, она вкладывала в листовки, плакаты, книги, поддерживая политических беженцев за границей. Марта жила на деньги, которые ей выдавала семья, но их становилось все меньше и меньше. Дочь-отступница стала для родителей позором, они порвали с Мартой все связи и, по сути, платили ей, чтобы она держалась подальше и не вовлекала их в новые скандалы. Таким образом, рвение обеих девушек, и без того подавляемое социалистическими законами империи, подвергалось дополнительному испытанию.

Вопреки всему, они продолжали работать в подполье. Ходили на собрания других женских ассоциаций, писали письма и петиции в Министерство культуры.

– Возможно, женщины наконец поймут, что должны держаться вместе, чтобы противостоять авторитарному патриархату! – теперь кричала Изабель.

– Все не так просто, – попыталась успокоить ее Эмма. – Для этого сначала нужно осознание того, что все может быть по-другому.

Изабель яростно закивала:

– На прошлой неделе я ходила на хлопчатобумажную фабрику и спрашивала тамошних работниц об их заработной плате. – Она достала листок бумаги и прочитала: – Шестьдесят три пфеннига за смену. – Она подняла глаза. – Знаете, сколько получает неквалифицированный мужчина?

Марта с Эммой выжидательно смотрели на Изабель, зная, что ответ не заставил себя ждать.

– Одну марку и девять пфеннигов! – Она сделала многозначительную паузу. – Но это нормально, мы ведь знаем. Хуже всего то, что эти работницы даже не возмутились! Они сказали, что дома работают за бесплатно, а на фабрике им хотя бы платят. Только теперь, придя домой, они выполняют еще и домашнюю работу. Большинство спят всего по четыре часа в сутки!

Эмма вздохнула:

– Буржуазное представление о том, что мужчина должен содержать семью, а женщина, в лучшем случае может приносить карманные деньги, слишком глубоко укоренилось в головах людей. Как с этим бороться, если женщины даже не понимают, что им недоплачивают? И то, что мужчины приходят вечером домой и ложатся спать, а женщины после работы занимаются домашним хозяйством и присматривают за детьми до поздней ночи, тоже кажется им само собой разумеющимся.

Изабель кивнула.

– Это мы и должны изменить. Женщины должны очнуться! Но мои слова были как об стенку горох. Они просто устало смотрели на меня. По лицам было видно, что они сочли меня сумасшедшей. А ведь они даже не могут распоряжаться деньгами, которые зарабатывают! И не видят в этом ничего плохого!

– Необходимо ограничить продолжительность рабочего дня на законодательном уровне. Фабрики множатся, все больше женщин выходят на работу, и нет никаких законов, которые бы их защищали. Даже матерей! Это самое малое, что мы можем сделать, не так ли? И детям все еще разрешено работать после школы.

Марта махнула рукой.

– Пока мужчины не присоединятся и не изменят свое мышление, ничего не изменится. Они не чувствуют совместной ответственности за дом и детей, но общество меняется. Если сейчас все женщины пойдут на работу, то и в семьях что-то изменится. Нельзя стоять на фабрике по тринадцать часов, а потом взваливать на себя всю домашнюю работу, от которой и раньше уставала.

– Пока удел женщины – дом и дети, ничего не изменится. – В голосе Изабель зазвучали нотки презрения.

Эмма кивнула.

– Избирательное право женщин должно наконец стать партийной программой.

– Основание Второго Интернационала в прошлом году было первым шагом. Как бы я хотела сама оказаться в Париже! А ведь Клара Цеткин сыграла в произошедшем большую роль. – Лицо Изабель приобрело мечтательное выражение. Она говорила о Международном социалистическом конгрессе; Вильгельм Либкнехт возглавлял немецкую делегацию. Она была самой сильной на всем конгрессе, хотя законы о социалистах запрещали ее участие. Но

поскольку Либкнехта все равно уже изгнали из Германской империи, это его, вероятно, не слишком беспокоило. Похоже, что меры кайзера по подавлению социалистов имели обратный эффект: сопротивление становилось все сильнее и сильнее.

В маленькой квартирке Марты и Изабель фотография Либкнехта висела над обеденным столом рядом с фотографиями Клары Цеткин и других социалистических деятелей, закрывая собой трещины на цветочных обоях.

Изабель снова встала – она никогда не могла долго усидеть на месте.

– Вчера вечером в пивнушке я слышала тираду одного мужчины. Он просто кипел от энтузиазма, в какой-то момент даже запрыгнул на стол! Остальные слушали его. И ему было все равно, что он ведет запрещенные речи!

– Женщины проводят вечера дома у плиты, – вмешалась Марта. – Нам до них не добраться.

– Тогда надо пойти туда, где мы сможем до них добраться! – заявила Изабель.

– Единственное место, где собираются женщины, – это рынки. Отправиться туда было бы настоящим безумием, – обеспокоенно сказала Эмма. – Нас тут же арестуют.

– Но только представь, до скольких мы сможем достучаться! – возразила Изабель, оставив опасения Эммы без внимания.

– Не будь наивной! – Эмма встала, упершись руками в стол. – Тебя уже арестовывали, и ты едва смогла сохранить работу. На что ты собираешься жить, если останешься без дохода?

– Мы найдем способ!

– Мы никому не поможем, если нас вышлют из страны.

– Либкнехта тоже выслали! И посмотрите, чего он достиг...

– Он мужчина, Изабель. Мне неприятно это говорить, но ты знаешь, что разница есть. Либкнехта поддерживает множество политиков со всего мира.

– Тогда я буду работать в подполье, как Лили. Ты и сама знаешь. Как здорово, что она снова собирается писать! Лили никому не позволит заткнуть себе рот.

Эмма кивнула.

– Что есть, то есть. Но Генри ничего об этом не знает. Лили играет с огнем. Если Генри узнает правду, то заберет у нее Ханну и превратит ее жизнь в ад. Женщины с ребенком особенно зависимы.

– Однако Лили не сдастся! – Изабель вздернула подбородок.

Эмма посмотрела на нее.

– Да. Я просто не знаю, понимает ли она... Какую цену ей придется заплатить... – тихо закончила Эмма.

Изабель обвела рукой убогую каморку.

– Что ж, все мы платим свою цену.

Чарли камнем пошел на дно. Резко потемнело, вода окружила его со всех сторон. До чего ужасное ощущение – погружаться в холодные глубины, не имея возможность ничего изменить.

Что там Бреннер говорил? «Погружаться легко!»

Собственное дыхание гулко отдавалось в голове. Чарли опускался все глубже и глубже. Это должно скоро закончиться! «Ни за что не поверю, что здесь всего пять метров», – подумал он в панике. Он дышал слишком быстро, он слышал, как бьется его сердце. Неужели это вода попала в шлем? Чарли быстро нащупал шланг. Нет, показалось. Внезапно он с силой ударился о землю, удивленно ахнул и чуть было не перевернулся. Казалось, он стоит по колено в грязи. Вокруг царил крошечная тьма. Чарли вытянул руки, пытаясь что-нибудь нащупать.

– Ты спятил, Куинн, совсем спятил, – пробормотал он, старательно выравнивая дыхание. – Держись, старина, половина дела уже сделана. Хуже стать не может! – пытался подбодрить он себя. Но это, конечно, было глупостью.

Может стать гораздо хуже. Трос может порваться, и тогда он застрянет здесь. Шлем может лопнуть, и тогда Чарли затопит водой. Внезапно он заметил, как тихо здесь внизу. Ни звука, кроме его собственного хрипловатого дыхания и стука сердца. «Теперь понятно, каково это – быть погребенным заживо», – подумал Чарли, и дрожь пробежала по его телу, когда он понял: так и есть – он заживо погребен в Эльбе. Чарли вспомнил легенды, которые рассказывали мужики в порту. О прекрасных женщинах, своим пением заманивающих рыбаков в воду. Об утонувших моряках, мстящих живым. О коварных водных духах, которые своим плачем сбивают путников с пути. О гигантских рыбах с острыми как бритва зубами. Что, если они действительно существуют? Что, если они живут здесь и захотят забрать его? В безмолвной темноте все казалось возможным. Черт побери! Он должен найти этот ящик с оборудованием, пока не сошел с ума.

Чарли медленно ставил одну ногу перед другой, вытянув руки, как сомнамбула. Он снова и снова спотыкался: земля была неровной. Видимо, за долгие годы на дне скопилось множество вещей, которые выбрасывали в воду. Ничего удивительного. Когда жители Гамбурга хотят от чего-то избавиться, то сбрасывают это в Эльбу. Чарли даже думать не хотел о том, что у него сейчас под ногами.

Ящик должен быть где-то рядом.

– Мы опустим тебя прямехонько на него, – сказал Бреннер, прежде чем Чарли сбросили в воду. Но чертова ящика нигде не было видно. Ладно: здесь вообще ничего не было видно. В следующее мгновение Чарли ударился обо что-то коленом и тихо вскрикнул. Ящик! Он нашел его! От облегчения Чарли почти впал в эйфорию.

Теперь осталось обвязать его веревкой и можно подниматься вверх, к свету, к теплу. Чарли никогда не думал, что будет так сильно скучать по гавани. Он быстро нащупал доски и закрепил веревку. Пришлось действовать на ощупь. Убедившись, что веревка держится, Чарли снял с пояса крюк для лебедки и закрепил на ней.

Вдруг он услышал голос. Чарли замахал руками, дернул головой. Задышавшись, огляделся, но с таким же успехом мог бы просто закрыть глаза – настолько было темно. Но ведь кто-то произнес его имя?

– Кто здесь? – хриплым голосом крикнул Чарли. А потом понял, что делает.

Он находится на глубине пяти метров. Здесь никто не может его звать.

– Это все твоя тупая голова, Квинн. Опиум лишил тебя рассудка, – пробормотал он.

– Чарли!

Он повернулся на голос. В темной воде перед ним появилось лицо. Оно шло рябью и блестело, как лучи солнца на реке. Оно было там и – в то же время не там. Чарли закричал. Клэр.

Действительно ли он ее видит? Или это все-таки игра света, проникающего сюда? Чарли почувствовал головокружение, кровь громко стучала в ушах. Лицо Клэр расплывалось, когда он пытался взглянуть в него. Однако он его все же видел.

– Чарли... Останься со мной! – слышался ее голос, тихий и умоляющий. Что происходит? «Может, это эффект опиума?» – подумал он. Или давление воды? Накануне вечером он хорошенько приложился к бутылке, может, у него в крови до сих пор слишком много спиртного? А может, это из-за кислородного голодания?

«Может, – подумал Чарли, внезапно осознав, что его чувства угасают, – может, вся боль последних нескольких лет была ее способом позвать меня к себе?»

Может, ему стоит остаться здесь... По крайней мере, здесь спокойно. Мирно и спокойно. Больше никакой рутины. Никакого одиночества. Это сразу показалось ему заманчивым. «Может, здесь миры пересекаются? – подумал он и моргнул. – Может, здесь миры пересекаются, и мертвые могут говорить с живыми?»

Клэр не может быть здесь. Где-то на краю своего сознания он это прекрасно понимал. Однако она здесь.

– Черт возьми! Я же говорил тебе, да? Говорил, что это безумие!

Голоса. Чарли услышал крик чаек у себя в голове. Моргнул. Во рту появился странный привкус. Закашлявшись, он повернулся на бок, и из него хлынул целый поток воды. Чарли беспомощно отплевывался, хватая ртом воздух, желудок скрутило, и его содержимое оказалось на причале. Казалось, все органы перемешались и теперь находятся не на своих местах. Чарли почувствовал страшную слабость.

– Бреннер, я подам официальную жалобу! Это было безответственно. Он чуть не погиб!

– Йо, чего ты раскричался, – выдал Чарли. Он снова перевернулся на спину и упал на доски, вытянув руки и ноги. Рядом стояли мужики из команды водолазов. Чарли скользнул взглядом по их бледным лицам. Йо и Бреннер выглядели не менее обеспокоенно. У последнего в уголке рта торчала сигарета, а брови сведены.

– Живой, Квинн? Какого хрена ты вытворяешь? – спросил он, но это прозвучало не сердито, а испуганно.

– В смысле? – спросил Чарли. Его голос звучал грубо, и он чувствовал вкус своей рвоты.

Йо отодвинул остальных в сторонку, опустил на колени рядом с Чарли и осторожно, но тщательно вытер воду с его лица.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил Чарли, и они с Йо обменялись кривыми ухмылками.

– Что там случилось? – поинтересовался Йо тем же тоном, что и Бреннер. Его лицо снова стало серьезным, темные глаза изучающе сверлили Чарли. Он выглядел взволнованным.

– О чем вы вообще? Я ничего не помню. – Это была не совсем правда. Перед внутренним взором промелькнуло лицо... но сейчас он предпочитал об этом не думать. Над Йо сияло серое зимнее небо. При виде него Чарли испытал странное облегчение.

– Шланг оказался вырван, Чарльз, – тихо сказал Йо. – Мы заметили это вовремя и вытянули тебя. Шлем уже почти полностью залило. Еще минута, и... – Он покачал головой, поджал губы и потуже затянул воротник своего толстого матросского свитера, как будто хотел защититься от этой мысли.

– Шланг оказался вырван? – Чарли откинул голову. – Но как это могло случиться?

– Вот и нам интересно, – проворчал Бернхард. – Дело в том, что... Он вообще не мог оторваться. Он был прикручен. Я сам его вкручивал. Резьба была тугой. Я точно знаю.

Чарли моргнул. Окружающие смотрели на него, ожидая объяснений.

– Ты где-то застрял? – спросил Йо. Он все еще стоял на коленях рядом с ним. Чарли увидел, что его свитер, а также брюки и рабочие ботинки полностью промокли. Должно быть, Йо помогал вытащить его из воды.

– Резьба бы не сорвалась, даже если бы он застрял... – проворчал один из мужиков.

– Что ты пытаешься этим сказать? – повернулся к нему Йо, внезапно разозлившись. Мужики смущенно переглянулись. Никто не ответил.

– Хватит уже этого дерьма. Кому какое дело, что там произошло? Куинн жив, ящик у нас. Что тебе еще нужно? – хмыкнул Бреннер.

Йо поднялся.

– Чтобы он получил недельный оплачиваемый отпуск, – сказал он резко.

Бреннер замешкался.

– Что-что? – переспросил он неуверенно. – Куинн даже на меня не работает!

– И тем не менее он чуть не умер из-за тебя, – бесстрастно возразил Йо. – Неделя отпуска. Оплаченная.

Ему не нужно было произносить угрозу, которая витала в воздухе. Они с Бреннером были равны по положению, но все в порту знали, что Йо водит дружбу с Людвигом Олькертом, самым богатым человеком в городе.

Обычно они ладили, но сейчас Бреннер возмущенно шагнул к Йо.

– В последнее время ты слишком много на себя берешь, Болтен. Тебе не кажется? – Он медленно затянулся сигаретой. Оба напряженно смотрели друг на друга.

– Что ты хочешь этим сказать? – Йо выглядел совершенно невозмутимым.

– Я хочу сказать, что твоя репутация уже не та, что прежде. Твой босс, возможно, пока ничего не заметил, но все мы знаем, что ты стал частенько прикладываться к бутылке.

Йо сохранил невозмутимое выражение лица.

– Неделя отпуска, Бреннер.

Бреннер с минуту смотрел на неподвижное лицо Йо, потом смачно сплюнул в воду.

– Договорились, – сказал он презрительно. – Иди домой, Куинн. Жду тебя во вторник. Будешь выполнять ту работу, которую я тебе поручу, и беспрекословно. Понятно?

Чарли кивнул.

– Да, пока мне не скажут спуститься туда снова, – пробормотал он.

Бреннер бросился прочь, и его люди последовали за ним. Йо протянул Чарли руку и помог ему подняться. Они на мгновение замерли друг перед другом, и взгляд Йо пронзил Чарли до глубины души.

– Что там случилось? – тихо спросил он.

На секунду у Чарли возникло искушение рассказать обо всем Йо. Но как можно выразить происходящее словами? После появления рисунка у Чарли возникло ощущение, что солнечные лучи, падающие через окно, больше не освещают комнату как следуют. Воздух в комнате искривился, свет луны поглощал мрак, царящий в углах. Словно реальность растворялась, сливаясь с мечтами. С желаниями. Когда Чарли стоял перед потускневшим зеркалом, подстригая бороду, ему казалось, что в зеркале мелькает чья-то тень.

Как будто реальность больше не отражалась должным образом.

– Ничего не случилось! – сказал он хриловато, не глядя Йо в глаза.

Йо молча кивнул. Затем похлопал его по плечу.

– Пойдем, нам нужно поскорее согреться.

С этими словами он стремительным шагом направился в сторону складов, на ходу прикуривая сигарету.

– Идешь? – позвал он, приостановившись, когда заметил, что Чарли не двигается.

– Да, иду, – тихо прошептал Чарли и бросил взгляд на темные, поблескивающие воды Эльбы. В голове он услышал голос. Дрожь охватила его тело. Чарли повернулся и последовал за другом.

Глава 5

– Где ты была днем?

Лили подняла взгляд от своей тарелки.

– В книжной лавке, как обычно. Я же тебе говорила.

Генри скривился.

– Ты почти не проводишь времени со своим ребенком.

Лили глубоко вздохнула. Упрек был таким несправедливым, что она с трудом удержалась, чтобы не закричать, но вместо этого положила ложку, взяла салфетку и задумчиво вытерла рот.

– Думаешь? – медленно спросила она. – Если тебе так кажется, то я немедленно прекращу работать с Кейт. Но тогда ты должен пообещать, что я смогу сама воспитывать Ханну. Может быть, нам стоит уволить Конни?

Генри прищурился, мгновенно раскусив ее замысел. Лили намеренно показывала, насколько противоречивы его заявления.

– В этом нет необходимости. Ребенок должен учиться быть самостоятельным. Няня останется. Ханна и так слишком привязчива. Я просто хотел сказать, что тебе не стоит проводить все свободное время вне дома. В конце концов, у нас есть своя библиотека. Зачем тебе ходить в книжные лавки?

Лили тихонько вздохнула.

– Я беру там уроки английского, ты же знаешь. Посмотри, как хорошо я научилась говорить! Но как уже было сказано, я сделаю то, что ты скажешь; если хочешь, чтобы я проводила больше времени с Ханной, то я буду меньше работать.

Генри фыркнул – наполовину презрительно, наполовину удивленно.

– Конечно, ты сделаешь то, что я скажу. Ведь я твой муж.

Лили невинно захлопала ресницами.

– Тебе не нужно напоминать мне об этом, – ответила она. – Просто мы оба знаем, что мне нельзя сидеть целыми днями без дела. Если я перестану работать, то захочу больше времени проводить с Ханной. А уроки пропускать мне нельзя: в конце концов, должна же я выучить английский. Хотя бы один из нас должен знать язык, ты не находишь? – не сдержавшись, поддела супруга Лили.

Генри побелел. Он резко встал.

– Можешь не бросать работу. Она идет тебе на пользу. Делает тебя менее капризной. Но ты можешь брать уроки и здесь. Я найму учителя, который будет приходить на дом, – сказал Генри, и Лили с трудом сдержалась, чтобы не вскочить и не наброситься на него.

Она судорожно сжала вилку.

– В этом нет необходимости, – ответила она так спокойно, как только могла.

– Не тебе решать! – Генри бросил салфетку на стол и вышел из комнаты.

Ханна следила за разговором, широко распахнув глаза. Она посмотрела вслед Генри, ее маленький ротик был открыт от удивления. Лили осторожно взяла дочь двумя пальцами за подбородок, закрывая ей рот.

– Ешь спокойно, – сказала она с любовью, и Ханна снова начала жевать.

– Папа сердится, – сказала она, накалывая кусочек жаркого на свою маленькую вилку.

Лили отодвинула от себя тарелку. Она больше не была голодна.

– Да, – сказала она, – папа сердится. Но ничего страшного. Он успокоится. – Лили улыбнулась. – Мама сейчас с ним поговорит. Он что-то не так понял.

Ханна нахмурилась, и между бровями у нее появилась маленькая морщинка, которая была и у Лили, когда та напряженно размышляла.

Однако у Ханны она появлялась еще и тогда, когда она злилась или грустила.

Лили знала, что ей придется унижаться. От этой мысли во рту появился горький привкус. Она очень дорожила компанией мистера Хакаби и ни за что не хотела от нее отказываться. Но, похоже, ей придется заплатить высокую цену, возможно, даже переспать с Генри. Лили сжала губы. После переезда в Англию она узнала, что можно продаваться собственному мужу. Но секс был один из немногих имеющихся у нее инструментов давления.

Ханна с трудом насадила картофелину на вилку и с ее помощью вытолкнула из тарелки несколько горошин, которые покатались по скатерти.

– Ой! – Лили принялась их собирать.

Ханна рассмеялась, когда одна горошинка укатилась прочь, и быстро вытолкнула вилкой еще несколько штук.

– Ах, вот же непослушная девочка! – Лили игриво уперлась руками в бедра, и Ханна согнулась от смеха. Когда Лили увидела, как довольна ее дочурка, у нее отлегло от сердца. Она встала, наклонилась над ней и расцеловала в щеки и шею. Ханна засмеялась еще сильнее, потому что ей стало щекотно.

– Ты у меня дождешься, шалунишка! – закричала Лили и принялась целовать девочку с удвоенной силой.

– Миссис фон Капельн! – Мэри стояла в дверях с десертом в руках и возмущенно смотрела на представшую перед ней картину.

Лили выпрямилась и произнесла:

– Входите, Мэри. Мы просто решили немного поиграть.

Мэри неодобрительно поджала губы. Она любила Ханну, но считала, что игры за столом плохо на нее действуют. Увидел горох, разбросанный по всей скатерти, Мэри бросила на Лили осуждающий взгляд.

– Это я виновата. Вилка соскочила, – торопливо объяснила Лили, сделав виноватое лицо. – Можете убрать это позже.

Лили села на место и сделала вид, что вернулась к трапезе, но стоило Мэри отвернуться, чтобы поставить десерт на буфет, как Лили быстро наклонилась к Ханне и скользнула по ее щеке нежным поцелуем. Дождавшись, пока Мэри выйдет, мать и дочь рассмеялись, как дети, пойманные за шалостью.

Лили радостно смотрела на сияющее улыбкой личико своей дочурки. В такие минуты ей трудно было представить, что когда-то Ханна вызывала у нее раздражение.

Лили было непросто привыкнуть к роли матери. Всю жизнь ей твердили, что предназначение женщины – иметь детей, что нет ничего более естественного и прекрасного. Однако для Лили ничего естественного в этом не было. И прекрасного тоже.

Несмотря на наличие помощников, первые недели после рождения Ханны прошли в тумане изнеможения, боли и постоянной подавленности. Лили не могла понять, почему столь маленькое существо забирает у нее столько сил? Почему так мало спит и так много плачет? Материнство казалось очередной борьбой, через которую нужно пройти. Тело казалось чужим, груди пульсировали, желая избавиться от скопившегося молока, кровотечение продолжалось неделями, и Лили ходила, морщась от боли. На животе у нее появились синие растяжки, она оставалась толстой, хотя ребенок давно родился. От нее странно пахло, она не могла уснуть, целыми днями была мрачной и в плохом настроении, плакала по поводу и без и пребывала в таких растрепанных чувствах, что места себе не находила.

Генри вызывал врача за врачом, но они не воспринимали ее жалобы всерьез, говорили, что у нее послеродовая депрессия, что ей поменьше нервничать и побольше спать. Лили до того сильно мечтала увидеть Эмму, что было больно. Эмма наверняка поняла бы, что с ней не так, а не приказывала бы взять себя в руки. Эмма бы отнеслась к ней серьезно, утешила бы ее своим спокойным, мудрым голосом. Но Эммы рядом не было, она находилась на другом конце света, в Гамбурге.

Лили все время беспокоилась о Ханне. Она боролась за то, чтобы побыть рядом с ней лишнюю минуту, спорила с Генри, кричала и угрожала. Но когда ей удавалось остаться с Ханной наедине, дочь казалась ей чужой. Лили смотрела на маленькое нежное личико, которое так часто сердито морщилось, и спрашивала себя: как она дошла до этого?

А ещё: полюбит ли это маленькое существо ее когда-нибудь?

Лили настаивала на том, чтобы самой укладывать Ханну в постель. Однако на руках у Лили малышка начинала кричать, и Лили устало сдавалась и позволяла кормилице забрать ее.

– Что тебе нужно? – кричала она, когда Ханна непрерывно ревела. «Она ненавидит меня, – думала Лили в такие моменты. – Она ненавидит меня, она знает, что я хотела от нее избавиться».

– С ребенком что-то не так, – порой заявлял Генри, качая головой, когда Ханна плакала весь день и всю ночь.

– Все с ней так, все дети плачут, – сердито отвечала Лили. – Ты ничего не знаешь о детях!

Неприязнь Генри объединила Лили с малышкой. Если Ханна не нравится Генри, то Лили должна ее защищать. Лили не знала, что делать с этим кричащим маленьким комочком, но уж точно не позволит Генри ее обижать.

И в какой-то момент становилось легче, наступали минуты покоя. Когда они сидели вместе в кресле-качалке и Ханна вдруг заглядывала глубоко в глаза и тянулась нежными руками к ее носу, исследуя черты лица, словно перед ней было чудо. Когда на лице ее дочери появилась первая настоящая улыбка и она смотрела на мать с пониманием и радостью, на глаза Лили навернулись слезы умиления. Она начала читать Ханне, чтобы та заснула, и казалось, что ее голос успокаивает девочку. Лили часами ходила взад-вперед по комнате, качая малышку, читая вслух Гюго и Диккенса – все что угодно, только не любовные истории. Ее дочь должна с детства узнать, что не стоит отравлять свое сердце этими небылицами. Ханна лежала на ее плече с настороженным выражением на маленьком личике, засунув в рот крошечный кулачок, и, казалось, внимательно слушала. Иногда при взгляде на малышку Лили охватывала волна умиления, такая сильная и могучая, что напоминала рану в сердце. Лили начала вести дневник, в котором записывала развитие Ханны. Она не признавалась в этом даже себе, но втайне надеялась, что Йо когда-нибудь прочтет его.

Чем старше становилась Ханна, тем больше Лили ее любила. На второй день рождения Лили подарила малышке самодельные открытки с картинками. Лили проводила бесчисленные вечера, сосредоточенно сидя в гостиной, и, пока в доме завывал ветер, рядом потрескивал камин, а Генри был неизвестно где, тонкими мазками кисти рисовала на маленьких карточках рисунки, которые, как надеялась, понравятся Ханне: кроликов, кошек, пушистого птенца. Ханна была еще слишком мала, но когда они раскладывали карточки на столе и Лили брала одну из них в руки и просила найти соответствующую картинку, у Ханны это почти всегда получалось. И Лили с гордостью покрывала лицо малышки поцелуями и говорила ей, что она самая умная девочка на свете и когда-нибудь обязательно пойдет учиться, как ее тетя Эмма, которую однажды встретит. Когда они вернутся домой.

Чем старше становилась Ханна, тем больше становилась похожей на своего отца. Поэтому Лили удивило то, что Генри полюбил малышку. Она ожидала, что с годами он будет ненавидеть ее все больше и больше, особенно когда стало ясно, что она унаследовала от Йо каштановые волосы и темные глаза. Когда Ханна была совсем маленькой, Лили иногда замечала, что Генри смотрит на нее и хмурится. Казалось, он представлял, что позволил птенцу кукушки поселиться в своем гнезде. В такие моменты Лили вздрагивала от страха.

Тем не менее нельзя было отрицать, что Генри хотя бы пытался быть хорошим отцом для Ханны. Ему нравилось наблюдать, как малышка учится и растет, он радовался ее первым словам почти так же, как Лили, носил по саду на плечах, позволял сидеть у себя на коленях. Во время походов в церковь Генри гордо вел Ханну за руку, шагал медленно, чтобы девочка

не отставала, представлял ее дамам, которые наклонялись и влюбленно смотрели на Ханну. Это пугало.

Лили бы предпочла, чтобы сохранился старый расклад – она с дочерью против всего мира.

Но Генри не испытывал ненависти к Ханне – напротив, она с каждым днем нравилась ему все больше и больше.

Это вызывало у Лили странное чувство тревоги. Что, если однажды Генри отнимет у нее дочь? Что, если настроит Ханну против нее? Расскажет девочке неправду о матери? Что, если он расскажет ей правду?

Но Генри отличался непостоянством. Сегодня носил Ханну на руках, а завтра становился задумчивым и импульсивным, слишком много пил, беспокойно ходил по дому, взрывался по пустякам. Ханна обижалась на него за такую переменчивость. Она как будто знала, что не может на него положиться, что его любовь непостоянна.

Генри никогда не бил Ханну. Но он бывал несправедлив и груб, громко ругал девочку, доводил до слез, а потом возмущался еще громче и сильнее: плач его раздражал. Вот почему Ханна всегда предпочитала общество Лили и плакала, когда Генри не отпускал ее к матери. Когда у Генри было хорошее настроение, Ханна это чувствовала и позволяла ему взять себя на руки, дергала его за бороду своими маленькими пальчиками. Но чаще всего Ханна отворачивалась, когда Генри подходил, чтобы взять ее на руки. Она трясла головой так, что кудряшки разлетались в разные стороны. Став постарше, Ханна скреживала руки на груди, отчего становилась похожа на сердитую куклу. Она упиралась ногами в пол своими маленькими лакированными туфельками и кричала, пока ее лицо не становилось красным.

– Я твой отец! Если я говорю подойти, ты приходишь! – кричал Генри почти так же громко, как Ханна. Но малышка его не слушалась.

Втайне Лили была довольна, хотя никогда не говорила плохого слова о Генри в присутствии Ханны.

– Однажды ты станешь прекрасным борцом за права женщин, – прошептала она Ханне на ухо, когда девочка раскапризничалась и Генри, потеряв терпение, сдался и вышел, хлопнув дверью.

– Мы не обязаны мириться с происходящим. Может, когда ты вырастешь, тебе не придется этого делать. Как знать? Может, к тому времени многое изменится.

Конечно, Лили пришлось взять вину на себя.

– Она проводит с тобой слишком много времени, ты настраиваешь ее против меня! – кричал Генри, и в течение следующих нескольких дней Лили виделась с Ханной всего по несколько часов или не виделась вообще. Лили научилась манипулировать мужем. Когда она чего-то хотела, то умела быть дружелюбной и милой. Генри каждый раз на это попадался. Лили почти жалела его. «Ты такой глупый, – думала она, в очередной раз заставляя мужа отступить от правил, которые он сам и установил. – Неужели ты не знаешь, как я тебя ненавижу? Неужели думаешь, что однажды я сдамся и мы станем настоящей семьей?»

То, что Генри пил все больше и больше, она использовала в свою пользу. Выпивка делала его слезливым и податливым, и только время от времени, когда Лили говорила что-то неосторожное в неподходящий момент, алкоголь становился ее погибелью. Тогда Генри выплескивал на нее весь свой гнев и разочарование. Он никогда не извинялся, но в последующие дни был особенно внимателен и учтив, разрешал ей видеться с Ханной, когда она хотела, ездил с ними в город и покупал Ханне новые игрушки, например, кукольный домик или даже маленький паровозик. Ханна радовалась, но уже через несколько дней новые игрушки оказывались забытыми в углу. Игрушкам Ханна предпочитала сказки.

Поскольку детских книг со сказками было мало, Лили стала придумывать сказки сама, сочиняла разные истории, записывала, а по вечерам читала их Ханне. Это было самое счастливое время в ее жизни.

Однако не проходило и дня, чтобы Лили не вспоминала о своем младшем брате. Порой приходилось отгонять мысли о нем, чтобы сосредоточиться на Ханне. Тем не менее Лили писала ему каждую неделю, время от времени отсылала с письмами рисунки или переписанные рассказы, придуманные для Ханны. Михелю было почти десять, но из-за болезни он выросл медленнее, чем другие дети. Он наверняка радовался этим письмам. Если, конечно, они вообще попадали ему в руки. «Я передаю твои письма персоналу, но не знаю, читают ли они их ему вслух. Ему нельзя слишком часто напоминать о прежней жизни, это его огорчает», – написала Зильта, и Лили в гневе смяла письмо в руках.

Порой Лили думала, что переезд в Англию дался бы ей легче, если бы Михель с Йо были мертвы. Затем она виновато вздрагивала и коротко щипала себя за руку. Нельзя так думать! Но осознание того, что Михель уже три года живет без нее, в месте, где его никто не любит и где никто о нем не заботится, заставляло ее не спать по ночам, с тревогой глядя в потолок. А мысль о том, что Йо все еще в Гамбурге, работает в порту, вечерами сидит у камина, ходит по улицам с кепкой на голове, возможно, завел себе новую женщину... Эта мысль больно ранила ее. «Может, он уже и женился, – подумала Лили, потому что не могла не мучить себя. – Может, на красильнице с фабрики? Ведёт ли он себя ней так же, как вел с Лили? Нравится ли ей запах его кожи, как нравился Лили? А множество маленьких морщинок вокруг глаз, которые появляются, когда он смеется? Обсуждают ли они часами социализм и права женщин, спорят и ругают друг друга, а потом снова мирятся и падают в постель? Конечно нет, – подумала она тогда. – У нас было что-то особенное. Йо был особенным для меня. Впрочем, это все равно не имеет значения, верно?» – сказала она себе, пытаясь отогнать грусть, которая давила на самое горло, заставляя слезы навернуться на глаза. Это не имело никакого значения. То, что у них было, было уникальным и особенным.

Но оно осталось в прошлом.

Грета глубоко вздохнула и убрала волосы с потного лба.

– Это было невероятно, – удовлетворенно простонала она и повернулась к Йо. Она тяжело дышала и улыбалась, глядя на него с любовью.

– Ты кричала слишком громко, – проворчал Йо, нащупывая табак на полу рядом с кроватью.

– Ну и что? – пожала Грета плечами, смеясь.

– Соседи дважды стучали в потолок. – Йо усмехнулся и свернул себе сигарету.

– Правда? – Грета погладила его по животу. – Я не слышала.

– Неудивительно. – Йо сел, сбрасывая ее руку.

– Если тебя беспокоят мои крики, то просто будь нежнее, – поддразнила Грета.

Йо поморщился.

– Нежности – это не ко мне, – бросил он, наклонился и укусил Грету за плечо. Та театрально вскрикнула и попыталась оттолкнуть его от себя. – Не притворяйся, я прекрасно знаю, что тебе нравится! – прорычал Йо и начал целовать ее грудь. Грета застонала от удовольствия.

– Эй, поосторожнее с сигаретой, – испуганно произнесла она.

Йо полулежал на ней, вытянув руку с сигаретой в сторону.

– Хорошо, – спокойно ответил он и сделал затяжку.

Грета притянула его к себе и поцеловала в шею.

– Ты весь потный, – засмеялась она и лизнула его щетину.

– Неудивительно, учитывая, как ты меня заездила!

Она резко рассмеялась, но тут же изумленно округлила глаза, когда Йо поднялся и нащупал брюки.

– Что ты делаешь?

– Мне пора, – ответил он.

– Сейчас? – в недоумении уставилась на Грета. – Сейчас середина ночи.

– У меня работа, – только и сказал Йо и застегнул ремень. Потом подбросил полено в маленький камин и натянул свитер. На окне проступили ледяные узоры. Сегодня будет жутко холодно. Когда же наконец закончится эта зима? Весна уже давно должна была прийти... Йо достал из сундука две пары теплых носков.

– Но тогда я останусь совсем одна, – проворчала Грета.

Йо сел на кровать, чтобы надеть ботинки, и Грета обвила его руками, прижимаясь обнаженным телом к его спине так, что он почувствовал ее твердые соски.

– Может, все-таки останешься?

Йо почувствовал, как в нем поднимается раздражение. Двумя пальцами нащупал бутылку с тминовым шнапсом, стоявшую рядом с кроватью, поднес к губам и сделал глубокий глоток, который приятно обжег горло.

– Нет! – отрезал он.

Грета напряглась, услышав его резкий тон.

– Пожалуйста! – промурлыкала она и укусила Йо за мочку уха.

Йо машинально повернулся и резким движением стряхнул с себя Грету. Она упала на кровать, испуганно вскрикнув.

– Ты чего такой грубый? – вскричала Грета, обидевшись.

Йо вздохнул, сделал еще один глоток из бутылки. Затем перегнулся через кровать, схватил Грету под коленки, рывком притянул и подмял под себя.

– Просто мне нужно идти, – заявил он и поцеловал ее, замечая, что она тут же расслабилась. – Когда я вернусь, мы продолжим с того места, на котором остановились, хорошо? – Он выдавил из себя улыбку. Затем встал. – Запри за мной! – произнес он, забирая свой нож, деньги и кепку. Потом повернулся и, не сказав больше ни слова, направился к выходу.

– И тебе хорошего вечера! – крикнула Грета ему вслед, но он проигнорировал ее и захлопнул за собой дверь.

Йо глубоко вздохнул. Воздух был настолько чистым, что его можно было пить, однако холод на улице стоял просто собачий. Он проникал в каждую клеточку тела, вызывая дрожь в руках и напряжение во всем теле. Мать совсем недавно связала Йо толстый свитер из овечьей шерсти, но воздух был влажным и напитывал влагой шерсть, отчего становилось только холоднее. Йо с тоской подумал о своей теплой постели. И все же он надеялся, что Грета уйдет к тому времени, когда он вернется домой.

Он взял бутылку шнапса, сделал три больших глотка и передал ее мужчине, очертания которого можно было разглядеть в темноте.

Рой молча взял бутылку и поднес к губам. Это был домашний самогон, огнем проникающий во все внутренности. Зато сразу становилось теплее.

В небе висела бледная молодая луна. Йо наблюдал за узким серпом сквозь пар своего дыхания, который клубился в воздухе. Как и в порту, он видел в луне надежду, которая успокаивала его. Йо мало на что мог положиться, но луна была рядом, даже если иногда ее не было видно. Каждый день она была новой версией себя. То тусклая и полупрозрачная, то полная и сияющая. Карл частенько говорил, что там, наверху, живет Песочный человек, и во время полнлуния он выглядывал в окно и махал рукой лицу, которое, казалось, подмигивало в ответ.

Сердце Йо сжалось при мысли о покойном брате.

– Фите, дай мне погрести, – сказал он хрипловато и отодвинул Фите в сторону. Он сел и уже через несколько гребков почувствовал, что замерзшие конечности немного согрелись. На

Эльбе было темно – они находились слишком далеко от береговых огней. Впрочем, вдали уже виднелся причал. Надо повернуть, обогнуть два больших парохода, и вот они на месте. смотрел в воду и, как это часто бывало, когда он плавал по ночам, думал о том, каково это – прыгнуть в реку и положить всему конец. Толстый свитер и тяжелые ботинки быстро намокнут и утянут его на дно. Йо отчетливо представил себе эту картину.

Вот он опускается в пучину, его поглощают тишина и темнота, и он наконец обретает вечный покой. Он медленно исчезнет в темных, пенящихся водах, пульс города будет звучать в его ушах, а легкие медленно наполнятся Эльбой. Разве это не достойная смерть для такого человека, как он, который привязан к этому городу душой и телом? Йо представил, как с открытым ртом опускается на дно и как его затягивает тина. Над ним бы проплывали корабли, происходили бы приливы и отливы, и он бы стал частью мироздания... И смог бы наконец забыться.

«Да», – подумал Йо и снова глотнул из бутылки. Он не хотел после смерти оказаться запертым в деревянном ящике, где его будут грызть черви. Нет, его место здесь, рядом с рекой, под луной, в гавани...

Йо поднял голову и увидел, что они уже почти прибыли. На причале один из ночных сторожей подбежал к ним, чтобы бросить трос.

– Проклятый отлив, – ворчал рядом с ним Рой. Из-за отлива набережная почти на четыре метра выступала из воды.

Йо ничего не ответил. Они пришвартовали маленькую шлюпку к причалу и стали карабкаться по лестнице, которая доходила только до груди и была облеплена мелкими ракушками и водорослями. Йо подставил обе руки, чтобы Фите оперся на них ногой и подтянулся. Фите был слишком маленьким и хилым и не мог подняться самостоятельно. Дождавшись, пока все покинут лодку, Йо стал подниматься на берег. Шрам на животе болезненно напрягся, и он невольно застонал. Даже забавно, что человек, всадивший в Йо нож каких-то три года назад, теперь поджидает его всего в нескольких метрах. Но Рой был незаменим. Он шел на все ради денег. Именно такие люди были нужны Йо.

Йо стал подниматься по лестнице, стараясь не обращать внимания на боль в животе. Когда он достиг вершины, ладони его были испещрены мелкими порезами в тех местах, где острые края раковин впились в кожу. Йо вытер руки о свитер и кивнул охраннику.

– Все в порядке? – спросил он, роясь в кармане брюк. Потом протянул охраннику несколько монет, и тот удовлетворенно хмыкнул.

– Все в порядке, Болтен. Спокойная ночь. На борту только несколько ремонтников и уборщиков, но они занимаются своим дерьмом. До начала смены есть время. Можете начинать прямо сейчас.

Они работали быстро, тихо и слаженно, каждый знал свою роль и мог положиться на другого. Йо с особой тщательностью подбирал людей для своего небольшого отряда. Они поднялись на борт огромного корабля. Йо кивнул нескольким рабочим, попавшимся по пути.

Если те и задавались вопросом, что он здесь делает, то не подали виду. У него были свои дела, которые их не касались, вот и все. В порту все знали, когда нужно смотреть в другую сторону.

Воняло ужасно. Во время рейса люди теснились под палубой, как скот, и Йо лично слышал, как несколько лет назад, когда строилась Калькуттская линия, Франц Карстен и Олькерт планировали сделать каюты для команды еще меньше, чтобы освободить место для хранения опиума. Для опиума, который они украдут сегодня ночью.

Йо прошел между гамаками, освещая путь масляной лампой. Корабль достроили только в прошлом году, и на его борту было электрическое освещение. Но Йо предпочел не привлекать к себе слишком много внимания, хотя иллюминаторы были настолько малы, что свет едва ли был бы виден на Эльбе. В узких каютах валялось несколько одеял, на которых можно было свернуться калачиком, чтобы поспать. Вдоль стен стояли бочки с водой, и Йо подозревал,

что зловонный смрад исходил в основном оттуда. Теперь, в конце долгого перехода, они были почти полностью пусты, и последние остатки грязной воды, которой команда мылась каждый день, тухли в бочках.

Йо остановился перед одной из стен и посветил на нее фонарем. Потом прижался к балке, за которой, как он знал, скрывался тайник. Ему пришлось надавить на нее всем своим весом. Фите подскочил и помог ему, остальные молча ждали. Наконец балка поддалась, и Йо заглянул в полость. Там они лежали, бесчисленные тюки.

– Давайте, помогайте, – проворчал он через плечо, и мужчины, не говоря ни слова, сдвинулись с места.

Некоторое время спустя они вернулись в шлюпку и поплыли обратно. Мешки с опиумом, который они будут распространять в городе, стояли у них между ног. Рой наладил нужные связи, он знал, в какие опиумные притоны не поставляет Олькерт, какие управляются конкурентами, отдельными мелкими преступниками, почуявшими выгоду в бизнесе с маковым соком.

А ещё Рой помог Йо открыть свои собственные притоны. Нашел помещения и работников-китайков и все организовал – молча и с недовольным лицом, но надежно и незаметно. «Да уж», – с горечью подумал Йо и сплюнул через край лодки в темную воду. Он, Йо Болтен, мальчишка со Штайнштрассе, теперь не просто поставщик и посредник, он обзавелся четырьмя собственными притонами, которые находятся на темных задворках города, где богатые ганзейцы, моряки и заблудшие души со всего города прячутся от мучительной реальности. Йо радовался тому, что ничего не сказал Чарли. Было странно находиться здесь без него, но Йо хотел уберечь друга от таких вещей. К тому же Чарли ненавидел Роя всей душой. То была застарелая ненависть, но Йо не сомневался, что Чарли не поймет, почему Йо теперь работает со своим заклятым врагом.

Йо сделал это не из жадности. Напротив, Йо первым же делом вложил в борьбу рабочих и поддержал СРП, Социалистическую рабочую партию Германии, не желая иметь ничего общего с грязными деньгами. Он сделал это потому, что знал: по-настоящему больно ударить Людвига Олькерта можно только в одно место – по его деньгам.

Завтра Йо явится на верфь на смену, а контролер, нанятый для взвешивания и проверки товаров, придет к нему и сообщит, что списки снова не соответствуют действительности. Йо с мрачным видом доложит об этом лично Олькерту и вызовет команду на серьезный разговор – или, по крайней мере, сделает вид. Конечно, Йо понимал, что играет с огнем. Когда Олькерт узнает правду – а он узнает, это всего лишь вопрос времени, – участь Йо будет предрешена. Но ему было все равно, он хотел отомстить человеку, который отнял у него Лили. И его ребенка.

Из лодки они перенесли мешки с опиумом в арендованное Йо подвальное помещение на набережной, после чего Йо принялся раздавать товар.

– Ты пойдешь на Шмукштрассе, – обратился он к Рою, а потом бросил Фите сверток: – А ты на Штерншанце.

Рой взял свою долю, кивнул и исчез. Йо распределил остальное, а затем взвалил на плечи тяжелый мешок. Он собирался пойти в Санкт-Паули, но в сторону Вергнунгсмайле, а не китайского квартала. Там находились два его притона, которые он предпочитал снабжать сам, чтобы заодно и проверить, как обстоят дела.

Йо свернул в узкий проулок. В воздухе висела дымка, где-то жалобно мяукала кошка. Йо посмотрел вверх, но луна была скрыта домами, которые стояли так близко друг к другу, что достаточно было вытянуть руки, чтобы коснуться обеих стен одновременно. Йо внимательно осмотрелся, поднял тяжелую деревянную заслонку, закрывающую вход, и спустился по ступенькам.

Как и всегда, Йо старался не присматриваться. Люди были повсюду – лежали на старых креслах, обшарпанных кушетках и самодельных деревянных койках. В них было что-то призрачное, в этих людях, которые жили, дышали, но на самом деле находились где-то далеко.

Дела шли хорошо, Рой поработал на славу. Притон был полон, – несмотря на то, что открылся совсем недавно и пришлось немного подождать, пока слухи о нем разнесутся по городу.

С мрачным лицом Йо отогнал в сторону сизый дым, который проникал в нос и легкие. Йо ненавидел этот запах – он напоминал о том, как Чарли чуть не захлебнулся собственной блевотиной у него на глазах. Хотелось как можно скорее убраться отсюда.

На стуле в темном углу сидела маленькая китайка. Увидев, кто вошел, она встала и подошла к нему.

Йо кивнул в знак приветствия, и они с китайкой прошли за угол в заднюю комнату. Йо передал девушке товар, та молча уложила свертки в ящик и заперла на ключ, который потом повесила себе на шею, пряча в декольте. Йо удовлетворенно усмехнулся. Китайка не говорила по-немецки, они могли общаться только знаками. Так было задумано. Молчаливые сотрудники – лучшие сотрудники, а кто может быть молчаливее того, кто не знает языка? Однако Йо смущало, что он не мог с ней разговаривать. Почему-то ему казалось, что это ее унижает, а незнание языка делает уязвимой. Йо боялся, что кто-нибудь станет к ней приставать, если увидит, насколько она беспомощна. Опиум делает с людьми странные вещи, лишает их рассудка. Большинство впадают в блаженство, погружаясь в сладкие сны и грезы, но некоторые становятся жадными до секса.

Однако притоны Йо не были борделями, и он не хотел, чтобы его сотрудницы подвергались домогательствам. «Я найму кого-нибудь следить за порядком», – подумал он. На всякий случай. Йо жестом указал в сторону главного помещения.

– Все в порядке? – спросил он тихо. – Никто не приставал?

Китайка сразу все поняла и улыбнулась, обнажив ряд гнилых зубов, которые уродовали ее в остальном красивое лицо, потом наклонилась и показала маленький тонкий нож, спрятанный в сапоге.

Йо удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, – сказал он, несколько успокоившись. – Ты умеешь постоять за себя. – Он протянул девушке несколько монет. В ее обязанности входило следить за тем, чтобы трубки клиентов всегда были набиты опиумом и чтобы не возникло пожара. Йо повернулся, направляясь к выходу, пересек основное помещение... и внезапно остановился. В углу мелькнула рыжая шевелюра. Йо пригляделся застонал. Этого не может быть! Только не снова...

– Чарльз! – прорычал он.

Это было похоже на дежавю. Чарли, его лучший друг, с блаженным видом лежал на одной из узких коек и смотрел в потолок. В обмякшей руке он все еще сжимал трубку, которая перенесла его сознание в другие миры.

Йо растерянно покачал головой и пнул друга по голени. Чарли издал странный звук, но больше никак не отреагировал. Йо потер лицо руками.

– Я думал, ты справился со своей зависимостью, – прошептал он в темноту. «Черт, только не это, – виновато подумал Йо и тихо вздохнул. – Не здесь, не в моем подвале». Он огляделся. Секунду назад вошел новый клиент, который теперь оглядывался по сторонам в поисках китайки.

– Эй, ты! – позвал Йо. – Помоги мне!

Свесив ногу с подлокотника кресла, Генри сидел в маленькой квартирке Эленор, находившейся в районе Аберкромби, и задавался вопросом: «Чем я все это заслужил?» Он находился в холодной, дождливой стране, обычаи и язык которой ему чужды, не мог закончить

образование, жил за чужой счет в доме, где ему ничего не принадлежало, с ребенком, который был не от него. Жена ненавидела его и разрешала прикоснуться к себе только под угрозой чуть ли не смерти, любовница, которую он специально привез из Гамбурга, страдала от депрессии и находила утешение в покупках, за которые ему приходилось расплачиваться. Генри ждал здесь уже полчаса. Весь день он только и думал, что о ее шелковистой коже. Генри вздохнул и сделал глоток глинтвейна. Туманный вечер как нельзя лучше соответствовал его мрачному настроению. Где, черт возьми, она пропадает? Наверное, опять у портнихи, тратит кучу денег на ненужную ей одежду! На прошлой неделе Эленор пришла с новой муфтой, при том, что нее уже было две! Генри с трудом сдержался, чтобы не повысить голос. Эленор просто не понимала всей ситуации, видит только большой дом, внешнюю помпезность и не хочет понимать, что ей с этого ничего не причитается. Генри наклонился к камину. Даже этого Эленор не может сделать! Ему приходится самому, как лакею, подкладывать поленья. Он получил занозу! «Чего не сделаешь ради хорошего секса», – подумал Генри, замечая, как настроение падает все ниже и ниже.

Никто не представил Эленор обществу, по-английски она почти не говорила и, кроме того, должна была держаться в тени, поэтому за те два года, что жила в Ливерпуле, она почти не завела знакомств. Генри это вполне устраивало: в конце концов, она находится здесь ради него. Однако для Эленор это стало поводом для вечного нытья.

– Я чувствую себя пленницей! – кричала она, когда была не в настроении. Генри вздыхал, сдерживаясь из последних сил.

– Ты вольна идти куда хочешь, дорогая!

– Да, но мне некуда пойти. Что прикажешь делать весь день? Я не знаю здесь ни души!

«Тогда зачем тебе столько дорогущих платьев?» – подумал тогда Генри, но побоялся прозвучать это вслух. Эленор отличалась вспыльчивым характером. И красотой. Она была женщиной, о которой многие мужчины могли только мечтать, и Генри знал, что ей не составит труда найти кого-нибудь другого, того, кто будет готов содержать ее и мириться с ее капризами. Поэтому ему приходилось терпеть. Эленор жаловалась на все: на квартиру, на прислугу, на погоду – особенно на погоду, на людей, на язык, на одежду, на еду... Если так подумать, то Генри не мог вспомнить ни одного хорошего слова, которое она когда-либо говорила об Англии. Впрочем, Генри и сам не находил ничего положительного в здешней жизни, только на это у него были другие причины.

Господи боже, Эленор умела быть невероятно утомительной! Однако время, проведенное с ней перед камином их маленькой квартирки, было прекрасным. Генри нравилось прижимать Эленор к себе, нравилось вдыхать ее аромат, нравилось чувствовать шелковую кожу, нравилось, как свет пламени отбрасывает тени на ее прекрасное тело... Эленор была создана для любви: большая грудь, нежный живот, еще не испорченный беременностью, грудной смех, который ему так нравится... С ней Генри хотя бы на несколько часов чувствовал себя менее одиноким.

Генри тяготил фарс, которым был его брак. С годами он понял, что любит Лили, но любит эгоистичной любовью. Любит ее как драгоценность, которую ни за что на свете не отдаст. Будь его воля, он увез бы Лили куда-нибудь подальше, в далекую страну, возможно, на необитаемый остров, где опасность того, что однажды она сбежит от него, была бы исключена. Когда Генри разговаривал с другими женщинами, они надоедали ему до смерти. Ему казалось, что он общается с детьми. Лили, однако, была с ним на равных. Правда, иногда у Генри возникало тревожное чувство, что она даже умнее и втайне потешается над ним. Лили знала о мире то, чего он сам даже не замечал, читала газеты, интересовалась политикой, имела собственное мнение, могла вести с мужчинами такие дискуссии, что те порой не находились с ответом. За последние несколько лет Лили стала другим человеком, женщиной, лишенной кокетства и страха, которая могла постоять бы за себя и неистово боролась за свои права. Генри уважал

ее, пусть даже и не хотел признаться в этом самому себе. Но одно было ясно как день: если бы не Ханна, Лили не провела бы с ним ни секунды. Генри знал, что никогда не сможет добиться ее любви. Или хотя бы симпатии. И это одновременно приводило Генри в невероятную ярость и невероятное отчаяние.

Дверь открылась, и вошла Эленор. Генри тут же поднялся и поспешил к ней. Капли дождя стекали с ее накидки и падали на влажные локоны. Как всегда, первым делом Генри подумал о том, какая же она красивая! Точеное лицо, кошачьи глаза... Но сегодня что-то было не так, как обычно.

– Дорогая! Наконец-то ты здесь. Я прождал целую вечность, – немного ворчливо произнес Генри и помог ей снять пальто.

Эленор поцеловала его в щеку, но ничего не ответила. Ее кожа была прохладной, в нос ему ударил запах волос и лошади. Должно быть, она ехала на дрожках.

– Я забыла, что ты придешь, – наконец сказала Эленор, медленно снимая перчатки.

«Мило, ничего не скажешь», – подумал Генри, но улыбнулся.

– Приятно слышать, – пошутил он и снова сел. Что случилось? Эленор казалась такой странной, рассеянной, как будто ее что-то беспокоило. Генри с изумлением наблюдал, как она расхаживает взад и вперед по комнате. На мгновение она остановилась перед окном и всмотрелась в темную дождливую ночь, затем обернулась, опустилась на колени перед камином и разглядывала пламя, как будто в нем можно было что-то увидеть.

– Может быть, скажешь мне, что случилось? – спросил Генри. – Кучер снова тебе нагрубил?

Эленор вскинула глаза и нахмурилась, как будто он сказал какую-то глупость. Потом поднялась, встала перед ним и положила руки на бедра.

– Ну и натворил ты делов! – сказала Эленор, и Генри с удивлением понял, что она сердится. – Я беременна, Генри!

Генри потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное, после чего он испуганно вскочил.

– Что ты сказала?

Эленор вздрогнула, ее взгляд потемнел.

– Да, ты все правильно услышал. Я беременна!

Генри провел пальцами по волосам.

– Но как такое возможно?! Ведь мы пользовались этими невероятно дорогими и неудобными вещами, лишь бы ничего не произошло!

Эленор раздраженно скрестила руки на груди.

– Ну, значит, они не помогли!

Глаза Генри сузились.

– Ты ведь меня не обманываешь? – спросил он, крепко схватив ее за руку. – Не забывай, что я уже воспитываю чужого ребенка. Если изменяла мне, клянусь, я...

– Да как ты смеешь?! – Эленор ударила его в грудь, ее лицо исказилось от негодования.

Генри сразу же пошел на попятную:

– Прости, я вспылел. Иди сюда, мне очень жаль! – Он глубоко вздохнул и прижал Эленор к себе.

Сначала Эленор сопротивлялась, но потом позволила себя обнять. Генри гладил ее по волосам, пытаясь успокоить свое сердце, которое, казалось, вот-вот выскочит из груди. Ребенок. Он станет отцом. Настоящим отцом. А это означает прежде всего одно: огромные расходы. Теперь Генри придется не только платить любовнице, но и содержать ее ребенка. Это большое обязательство. Генри судорожно сглотнул. От самой Эленор он мог избавиться в любой момент – заменить ее на более молодую и менее требовательную любовницу. Но теперь? Никто никогда не женится на одинокой женщине с ребенком, если, конечно, та не вдова. Иными словами,

Эленор лишалась всех шансов на другую жизнь – и теперь Генри до конца своих дней будет нести ответственность за нее и ребенка. У него закружилась голова при мысли о том, чего ему это будет стоить.

– Черт, – тихо пробормотал он. Самое время вернуться в Гамбург, где он сможет закончить учебу. Или ему придется придумать, как выпутаться из этой истории.

После его ухода Эленор еще некоторое время смотрела в огонь. Она сняла туфли с ноющих ног, откинулась в кресле и потянулась за бокалом глинтвейна, который оставил Генри. Потом осторожно погладила руками свой живот. Она уже давно знала о том, что беременна. Даже удивительно, что Генри ничего не заметил: груди ее стали огромными, а живот уже начал округляться. Но все мужчины одинаковы: мурлычешь им что-то на ухо, сбрасываешь одежду, и они перестают замечать что-либо вокруг. А сейчас уже слишком поздно, чтобы избавиться от ребенка.

Все произошло так, как Эленор и планировала. Генри женат, а значит, Эленор всегда бы оставалась на вторых ролях. Довольно скоро ей исполнится тридцать, и тогда ни один мужчина на нее даже не взглянет. У нее не было ни денег, ни богатой семьи, ни желания горбатиться всю жизнь. Но даже красота не смогла привлечь к Эленор богатого мужчину. Она начинала паниковать. Сомневаться не приходится: рано или поздно Генри бросит ее. Но с ребенком все будет иначе. Генри – благородный человек, он никогда не отречется от собственной плоти и крови. А жена Генри, скорее всего, больше не может иметь детей, на что он ей бесконечно жаловался... Эленор улыбнулась. Если бы Генри знал, что она проколола презервативы иголкой для вышивания... Эленор сделала глоток вина, посмотрела в огонь, и улыбка заиграла на ее губах.

Но он никогда ничего не узнает.

Глава 6

Альфред Карстен скользнул взглядом по Эльбе. Из окна его конторы в Розенхофе открывался прекрасный вид. Небольшие льдины плыли по воде, баржи с пароходами таранили их, толкая туда-сюда, заставляя собираться в белые островки, которые потом снова таранили. Над сотнями мачт, парусов, кранов и понтонов бесшумно поднимался к небу белый дым из корабельных труб. По мостовой грохотали кареты. «Красота», – подумал Альфред Карстен и сделал глоток кофе, который только что принесла секретарь. Стояло раннее утро, и люди готовились к новому дню.

Здесь, в гавани, бился пульс большого города. Именно здесь располагались склады, лодочные мастерские, таверны и кофейни... Вечное движение туда-сюда, разговоры рабочих, которые по утрам сотнями толпились в очередях на работу... В порту жизнь никогда не заканчивалась. Только ночью становилась медленнее. Серебристый свет фонарей на берегу превращал канал в темную сверкающую змею, лениво скользящую навстречу утру. В молодости Альфреду нравилось стоять по ночам у черной реки и прислушиваться к окружающим звукам. Барж видно не было, только слышались удары весел, время от времени раздавались всплески и крики. Теперь река освещается, однако этим зрелищем можно только восхищаться.

Мимо проходил паром, и Альфред принялся наблюдать за пассажирами на палубе. Рядом с водомером развевался флаг гамбургского адмиралтейства. После основания портовой компании HADAG в пассажирских перевозках воцарился относительный порядок. Раньше паромщики переманивали друг у друга пассажиров, вместо того чтобы договориться о расписании. Там царил полнейший хаос, но потом сенат установил концессию, что было крайне необходимо, поскольку разрастание жилых и рабочих кварталов означало увеличение потребности в паромном сообщении. Сейчас на причалах даже устанавливают турникеты, чтобы пассажирам было сложнее уклоняться от оплаты проезда. Эта и другие мелкие детали свидетельствуют о расширении гавани.

После завершения строительства Шпайхерштадта строительный шум наконец немного утих. Сколько дополнительных портовых гаваней было создано за последние несколько лет, сколько новых набережных и транспортных путей! Чего стоит одна гавань для парусных судов!

Альфред был сторонником перемен, поэтому искренне радовался строительству Шпайхерштадта. Но все же было очень жаль старые кварталы. Великолепные дома в стиле барокко, в которых жили богатые торговцы тканями, просто исчезли... Четыреста лет назад этот квартал построили жившие здесь голландские эмигранты. А теперь... Альфред со вздохом поставил чашку на стол. Теперь он уничтожен, а на его месте появился новый квартал. Таков ход событий, которому невозможно противостоять. В конце концов, правитель у них теперь тоже новый. За год сменилось три императора. Кто бы мог подумать, что такое возможно?! Сначала умер старый император, потом, через несколько недель, новый, и теперь на троне сидит Вильгельм II. Альфред видел последнего императора своими глазами, когда два года назад в октябре тот приехал в Гамбург на открытие Свободного порта. Тогда Вильгельм взойшел на престол всего как четыре месяца назад, и неуверенность читалась у него лице.

Альфред придвинулся к своему столу. Нужно просто научиться справляться с переменами. Это относится как к немецкому народу и его императору, так и Альфреду и его судовой компании. Он тоже должен привыкнуть к нововведениям. Мир, город – все меняется, становится быстрее и современнее. Кажется, что бизнес и условия работы меняются каждый день. Даже Свободный порт – кто бы мог это предвидеть? – сначала вызвал стремительный рост цен, но также очень быстро увеличил товарооборот в порту. За последние годы почти на полтора миллиона тонн.

Вместе с Куксхафеном Гамбург занимает сорокапроцентную долю немецких морских перевозок. Такими темпами они станут одним из ведущих портов мира, если не самым ведущим. Конечно, Антверпен и Роттердам тоже не стоят на месте, так что, возможно, не стоит возлагать слишком больших надежд, но Альфред должен был признать, что Свободный порт стал отличным стимулом для роста судоходной компании. Эмигрантский бизнес неуклонно растет, Гамбург становится воротами в мир. Судоходная компания всюду раскинула свои щупальца, стремясь оказаться на самом верху. Однако бизнес – это всегда лотерея с непредсказуемым результатом. Как бы усердно ты ни работал, как бы тщательно ни просчитывал варианты и как бы ни боролся с конкурентами, ты беспомощен перед тенденциями мирового рынка и торговли и даже перед погодой. А теперь у них появился еще и сопряженный с огромным риском Калькуттский морской путь, новый проект, который занимает все внимание Франца. Мальчик практически живет ради него. Оставалось надеяться, что с «Люксорией» все пройдет хорошо. Никогда еще они не вкладывали столько денег в один корабль.

Взгляд Альфреда упал на чертежи «Артезии» – первого корабля, построенного не в Ливерпуле и не в Фленсбурге, а в Гамбурге, на верфи Олькерта. По просьбе Франца. Альфред так долго сопротивлялся, так долго цеплялся за старые традиции, но в какой-то момент у него больше не было сил противостоять сыну. Особенно после того, как Олькерт получил контрольный пакет акций. Альфред покачал головой. Олькерт, этот старый лис, хитер. Хитер и безжалостен. В конце концов он победил. Они с Альфредом стали одной семьей, Розвита живет у него в доме. От сотрудничества никуда не деться.

Почти все суда Калькуттского морского пути будут построены на верфи Олькерта, и лишь несколько – в Ливерпуле и Фленсбурге. Среди них – «Корделия», строительство которой только что завершилось. «Интересно, – подумал Альфред, – наблюдала ли Лили за спуском корабля на воду? Поняла ли, что я хочу, но не могу ей сказать?» Он вздохнул. Он и сам не совсем понимал. Как там было в «Короле Лире»? Горе тому, к кому слишком поздно придет раскаяние...

Король обезумел и сказал дочери, что поступил с ней несправедливо, но было уже слишком поздно.

Порой Альфред боялся, что и для него уже слишком поздно. Погрузившись в мысли, он обдумывал предстоящие планы. Последние несколько лет Франц все больше прибирал к рукам управление компанией, Альфред все больше оказывался не у дел... Но так и должно было случиться, однажды ему придется передать все бразды правления сыну. Франц, конечно, не виноват, но как же им не повезло с Тихоокеанской компанией! При одной мысли об этом сжималось сердце. А все из-за того, что Лили уехала. Она увезла с собой удачу. По крайней мере, удачу Альфреда, как теперь понимал он.

Конечно, потери были всегда, это в порядке вещей. Но невезение, преследовавшее их последние несколько лет, казалось каким-то роком.

Все началось с «Олимпии». Ах, какое гордое судно! Железный винтовой пароход, две мачты, шхунное парусное вооружение, четыреста пятьдесят лошадиных сил. Альфред мог наизусть перечислить все детали, хотя «Олимпии» уже давно больше нет. В перерыве между двумя рейсами в Америку она использовалась в каботажном плавании по Балтике. «Олимпия» везла в датский город Орхус семена кунжута, но столкнулась в Каттегате с дрейфующими льдинами.

Его прекрасная «Олимпия»... Она просто переломилась пополам. По крайней мере, экипажу удалось спастись. И на том спасибо. Неподалеку находился британский пароход, который подобрал людей. После этого настала очередь «Миранды». Четыре тысячи тонн дедвейта, самое большое судно, когда-либо ходившее под флагом Карстен, – и полная гибель. Капитан взял курс на Кессант. Вечером маяка не было видно, но капитан все равно решил, что идет правильным курсом, и направился прямо к скалам. Альфред содрогнулся, вспоминая об этом. После этого «Клеопатра» села на мель в Магеллановом проливе у мыса Вирхенес.

Альфред не верил в провидение, но сейчас эта полоса невезения внушала ему страх. Он вздохнул и потер ноющую шею. В последнее время он чувствовал себя все хуже и хуже. Возраст понемногу давал о себе знать, в груди постоянно что-то щемило, отдавало в шею, челюсть и лопатки. Он часто уставал, страдал от головокружения, иногда задыхался. Доктор Зельцер уже давно советовал ему сократить нагрузку, не перенапрягаться. Но Альфред не перенапрягался. Он прекрасно понимал, что причина в другом. Он уже более трех лет был несчастлив. После отъезда Михеля и Лили в нем как будто что-то угасло. Он ходил на работу, делал то же, что обычно, и не чувствовал удовлетворение. Но ради кого он все это делал? Кто есть отец, лишенный своих детей? Порой Альфреду казалось, что у него больше нет семьи. Он перестал радеть за дело всей своей жизни с прежней страстью. Бывали дни, когда казалось, что нет никакой разницы, пойдет он в контору или нет. В любом случае оставался Франц, живший в ожидании того момента, когда Альфред полностью оставит работу. В последнее время Альфред все яснее ощущал, какое давление на него оказывает судходная компания, новые морские пути, «Люксория», в которую они вложили столько денег, что от одной только мысли голова кругом... И теперь все выглядит так, будто они потеряли еще один корабль...

Альфред устало потер лоб. От «Артезии» уже несколько дней не было никаких вестей. Снова Магелланов пролив... Как такое возможно? Да еще чтобы так скоро... Альфред беспокойно провел рукой по чертежам. И зачем он попросил, чтобы ему их принесли? Это не поможет кораблю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.